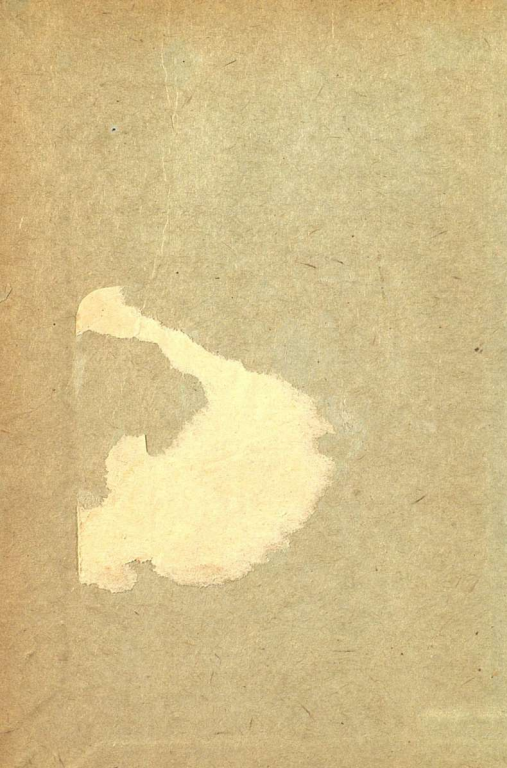

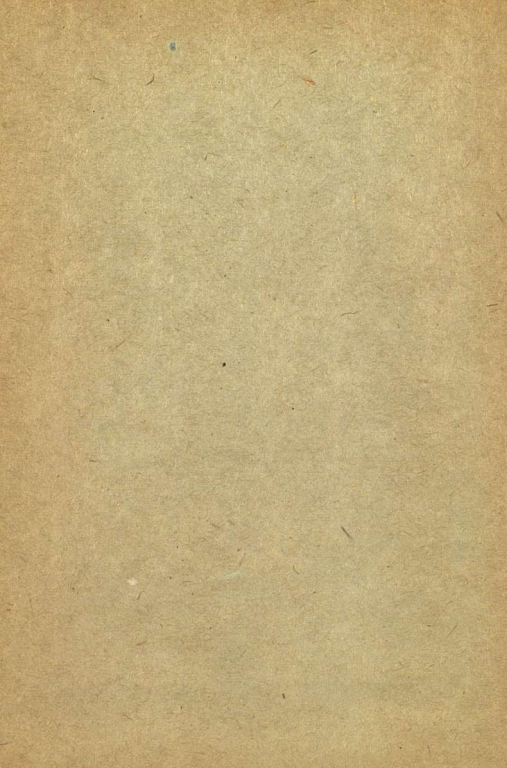
Л-812

Лофтинг Г.

Приключения
доктора Дулитля.

М., Гиз, 1924

Тью Лортеинг

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ДОКТОРА

ДУЛИТЛЯ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Л. Б. ХАВКИНОЙ

РИСУНКИ АВТОРА

М., ГИЗ, 1924.

7000 эрз.
45к.

Лодыгин Гал 1-312
Григорьев Гал
Дулитль

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГРЯЗЕВОДСК

Много лет тому назад, — когда еще наши дедушки были маленькими, жил на свете доктор. Его звали Дулитль, Джон Дулитль, Д. М. «Д. М.» значило, что он был доктор медицины — настоящий доктор — и знал очень много.

Он жил в маленьком городке Грязеводске — на Болоте. Все, от мала до велика знали его в лицо. Когда он проходил по улице в своем высоком цилиндре, все приговаривали:

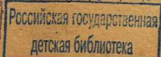
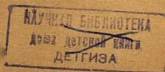
— Вот идет Доктор! Умная голова!

Собаки и дети бегали за ним следом, и даже вороны на колокольне при виде его каркали и кивали головами.

Он жил в маленьком домике, на окраине города; зато около дома был большой сад с зеленой лужайкой — замшелыми скамейками, над которыми свешивались плакучие ивы. Сестра Доктора, Сара Дулитль, вела хозяйство, а сам он смотрел за садом.

Он очень любил животных и завел себе много любимцев. В глубине сада, в пруде жила золотая рыбка; в кладовой были кролики, в рояле водились белые мышки, в чулане жила белка, а в погребе ежик. У него была еще корова с телянком, старая хромота лошадь

664951 КХ-рег 3

двадцати пяти лет от роду, цыплята, голуби, два барашка и много других животных.

Особенно любил он утку Дэб-Дэб, собаку Джиша, поросенка Гёб-Гёб, попугая Полинезию и сову Ту-Ту. Сара ворчала и сердилась, что эти звери только загрязняют дом. Как-то раз к доктору за советом пришла старушка, больная ревматизмом, и села на ежа, который спал на диване. С тех пор она к нему больше не обращалась, а стала ездить каждую субботу к другому доктору в соседний городок, за десять верст.

Тогда сестра пришла к нему и сказала:

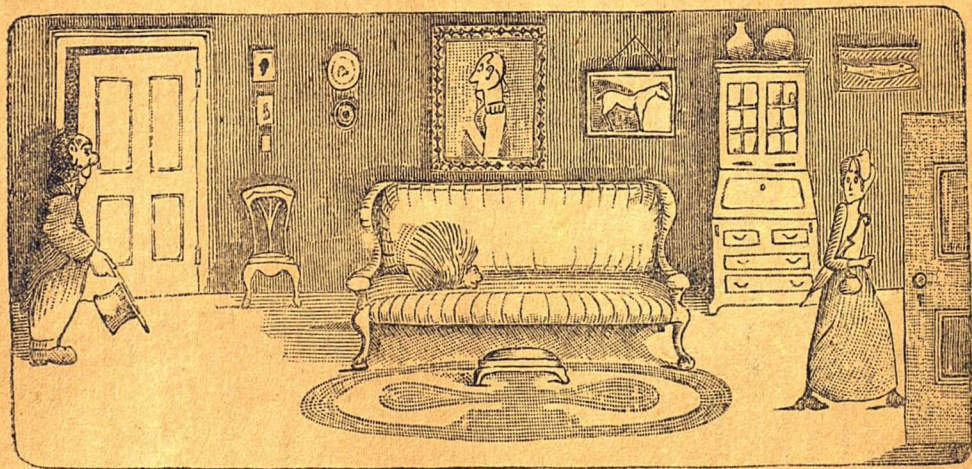
— Джон, разве больные станут к тебе ходить, если ты будешь держать весь этот зверинец? Хорош доктор, у которого приемная полна ежей и мышей! Вот уж четвертого пациента выжили твои звери. Джейкине и Парсон говорят, что порога нашего не переступят, хоть бы умирали. Мы скоро совсем разоримся! Если так пойдет дальше, то никто из порядочных людей не захочет у тебя лечиться.

— А я животных люблю больше, чем твоих «порядочных» людей, — ответил Доктор.

— Чудак! — сказала сестра и вышла из комнаты.

Время шло, и у Доктора зверушек набиралось все больше и больше, а люди к нему приходили все реже и реже. В конце концов остался только один человек Кошек-Корм (продавец корма для кошек), который не брезговал никакими животными. Но Кошек-Корм был не очень-то богат и болел только раз в год, на Рождестве и тогда платил Доктору мелкую монетку за пузырек лекарства.

На одну монетку в год нельзя было прожить даже в те отдаленные времена. И если б у Доктора не было немножко сбережений в копилке, то кто его знает, что могло бы случиться.

А он заводил все новых любимцев; конечно, кормить их было дорого, и сбережения таяли да таяли. Он продал рояль, а мышек поселил в ящике письменного стола. Но вырученные деньги скоро разошлись, и ему пришлось продать свой праздничный коричневый костюм. Понемногу он совсем обеднел.

Теперь, когда он проходил по улице в своем высоком цилиндре, люди перешептывались:

— Вот идет Джон Дулитль, Д. М.! Когда-то это был знаменитый доктор, а теперь, глядите—у него нет ни гроша, и все пятки дырявые.

Но собаки, кошки и дети продолжали бегать за ним так же, как и в ту пору, когда он был богат.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗВЕРИНЫЙ ЯЗЫК

Однажды Доктор сидел на кухне. К нему пришел Кошек-Корм полечиться от рези в желудке.

— Почему бы вам не сделаться звериным доктором?—неожиданно спросил его Кошек-Корм.

Попугай Полинезия сидел в это время на окне, смотрел, как идет дождь, и тихонько напевал матросскую песенку. Он сразу замолчал и стал прислушиваться.

— Видите, Доктор,—продолжал Кошек-Корм,—вы знаете про животных больше, в сто раз больше, чем все наши коновалы. А ваша книга о кошках—ах, какое чудо! Сам я неграмотный, не то я б уже тоже написал какие-нибудь книжки. А вот моя жена Феодосия—ученая, и она мне прочла вслух вашу книгу. замечательно, прямо замечательно! Словно вы сами были котом! Вы даже знаете, о чем коты думают! Послушайте: вы можете заработать много денег, если станете лечить животных. Понимаете? Я буду посылать к вам всех старушек, у которых есть больные кошки и собаки. И если понадобится, то я чего-нибудь подсыплю в мясо, которое для них продаю; пусть они почаще болеют.

— О, нет,—перебил его Доктор,—этого не надо. Это нехорошо.

— Не то, чтоб сильно болели, а так только раскисли,—сказал Кошек-Корм.—Вы думаете, я им зла хочу? Все равно, они и так будут хворать: ста-рухи всегда их обкармливают. Потом еще к вам бу-дут приходить все соседние фермеры, у которых есть хро-мые лошади и больные ягнята. Сделайтесь звери-ным врачом!

Когда Кошек-Корм ушел, попугай перелетел с окна к Доктору на стол и сказал:

— А ведь он прав. Так и нужно. Сделайтесь зве-ринным врачом! Глупые люди не понимают, что вы—самый лучший доктор на свете. Бросьте их. Лечите животных,—они это сразу поймут. Сделайтесь звери-ным врачом!

— Звериных врачей есть, сколько угодно,—сказал Джон Дулитль, выставляя горшки с цветами за окно на дождь.

— Верно,—ответил попугай:—но они никуда не годятся. Послушайте, Доктор, что я вам скажу. Знаете ли вы, что звери умеют говорить?

— Я знаю, что попугай умеют говорить—ответил Доктор.

— О, мы, попугай, умеем говорить на двух язы-ках, на человеческом и на птичьем,—с гордостью ска-зал Полинезия.—Если я говорю:—Полли хочет сух-рика,—это вам понятно? А понятно вот это:—*Ка-ка-уи-фи-фи*?

— Фу, ты!—воскликнул Доктор,—это что значит?

— Это значит на птичьем языке:—«Каша еще не остыла?»

— Вот что! Ты никогда со мною так не го-ворил.

— А зачем?—сказал попугай, смахивая крошки сухарика с своего левого крыла.—Вы все равно ничего не поняли бы.

— Скажи еще что-нибудь,—попросил в восторге Доктор. Он бросился к ящику буфета и вернулся с записной книжкой и карандашом.

— Только не спеши. Я буду записывать. Ах, как интересно! Как интересно! Совершенная новость! Ну, говори мне птичью азбуку, только медленно.

Вот как Доктор узнал, что у животных есть свой язык, на котором они разговаривают между собою.

И весь остаток дня, пока шел дождь, попугай сидел на столе в кухне и доктовал Доктору птичьи слова, которые он записывал в книжку.

За чаем, когда вошел пес Джим, попугай сказал Доктору:

— Посмотрите, *он* говорит с вами.

— По моему, он просто чешет лапой у себя за ухом,—возразил Доктор.

— Звери не всегда говорят ртом,—громко сказал попугай, поднимая брови:—они говорят ушами, ногами, хвостами, чем угодно. Иногда они не произносят ни звука. Видите ли вы, что сейчас Джим дергает одной ноздрей?

— Что это значит?—спросил Доктор.

— Это значит: «разве вы не замечаете, что дождь перестал?»—объяснил Полинезия.—Джим вас спрашивает. Собаки почти всегда спрашивают носом.

Скоро, с помощью попугая Доктор научился звериному языку так хорошо, что мог сам разговаривать с животными и понимать каждое их слово. Тогда он совсем отказался быть людским врачом.

Как только Кошек-Корм протрубил всем, что Доктор сделался звериным врачом, старухи стали приносить

к нему своих болонок и пуделей, об'евшихся пирогами. А фермеры издалека приводили к нему больных коров и овец.

Однажды к нему привели крестьянскую клячу. Она ужасно обрадовалась, что нашелся человек, умеющий говорить по-лошадиному.

— Знаете, Доктор,—сказала она:—коновал там у нас, под горой, ничего не смыслит. Он лечил меня шесть недель от запала. А мне просто нужны очки. Я слепну на один глаз. Почему бы лошадям не носить очков, как у людей? Но этот болван даже не посмотрел моего глаза. Он только пичкал меня огромными пилюлями. Я пробовала с ним говорить, но он не понимает по-лошадиному. А мне всего на все нужны очки.

— Верно,—сказал Доктор:—я тебе пропишу очки.

— Вот такие, как у вас,—сказала лошадь:—только зеленые. Они будут защищать мои глаза от солнца, когда я буду пахать Большое Поле.

— Ладно,—сказал Доктор:—ты получишь зеленые очки.

— Знаете, в чем беда?—сказала лошадь, когда Доктор открыл дверь, чтобы ее выпустить:—ведь всякий воображает, что может быть звериным врачом только потому, что животные не жалуются. На самом деле гораздо труднее лечить животных, чем людей. Наш батрак тоже думает, что он знает лошадей. Если бы вы его видели! Лицо, как блин, а ума, как у курицы. На прошлой неделе он вздумал поставить мне горчичник.

— Куда?—спросил Доктор.

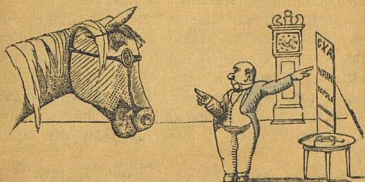
— Поставить-то, положим, не успел,—сказала лошадь.—Только собирался. А я его лягнула и столкнула в пруд.

— Так, так!—сказал Доктор.

— Я вообще покладистая, — продолжала лошадь. — Я очень терпеливая с людьми и не доставляю им хлопот. Но нельзя же было, чтобы этот коновал лечил меня навыворот. А когда краснорожий парень стал меня передразнивать, я уж не могла стерпеть.

— Ты его очень ушибла? — спросил Доктор.

— О, нет, — сказала лошадь — я его лягнула, куда следует. Теперь коновал лечит его. А когда же мне притти за очками?

— Во вторник на будущей неделе, — сказал Док. — До свидания!

Джон Дулитль раздобыл для лошади большие зеленые очки. Она перестала слепнуть на один глаз и могла опять работать, как прежде.

Скоро в окрестностях Грязеводска стали постоянно встречаться лошади в очках; зато слепых лошадей и в помине не было.

Доктор удачно лечил и других животных, которых к нему приводили. Узнав, что он может говорить на их языке, они рассказывали ему, что у них болит,

и что они чувствуют и, конечно, ему было легко им помочь.

Выздоровевшие животные, возвратившись домой, рассказывали своим братьям и друзьям, что в маленьком домике с большим садом живет *настоящий* доктор. И всякий раз, когда кто-нибудь из животных заболел,—не только лошади, коровы или собаки, но даже эверьки поменьше, в роде полевых мышек, барсуков, летучих мышей—все они приходили к его домику на окраине города; и в его саду всегда толпились животные, желавшие посоветоваться с ним.

Их приходило так много, что для разных пород пришлось сделать отдельные входы. Доктор прибил дощечку с надписью: «Лошади» на парадной двери, «Коровы»—на боковой и «Овцы»—на кухонной двери. У каждой породы животных был свой вход—даже у мышей была своя маленькая дырочка в погребке, и они, выстроившись в ряд, ожидали там прихода Доктора.

Так, в короткое время слава о Джоне Дулитле, Д. М., разнеслась среди живых созданий на тысячи верст. А птицы, улетавшие за зиму в теплые края, рассказали там чужеземным зверям об удивительном Докторе из Грязеводска на Болоте, который понимает звериный язык и так хорошо помогает всем больным.

И Доктор прославился среди животных со всего света больше, чем славился когда-либо в своей стране среди людей, и был очень счастлив и доволен.

Однажды после обеда, когда Доктор записывал что-то в свою книжку, попугай Полинезия по обыкновению сел на окно и стал смотреть на осыпающиеся листья в саду. Вдруг он громко рассмеялся.

— В чем дело, Полинезия?—спросил Доктор, поднимая глаза от книги.

— Я думаю, — сказал Полинезия, продолжая смотреть на листья.

— О чем?

— Я думаю о людях, — ответил Полинезия. — Не люблю я их. Уж очень много они о себе воображают. Мир существует тысячелетия, верно? А из звериного языка люди научились понимать только одно: когда собака виляет хвостом, это значит — «радуюсь». Смешно, не правда ли? Вы — первый человек, разговаривающий по-нашему. Как меня раздражают иные люди, — задирают нос, толкуют про «немых животных!» *Немых!* Тьфу! Я знал одного попугая, который мог сказать «здравствуйте!» на семь разных ладов, ни разу не открывая рта. Он говорил на разных языках, даже по-гречески. Его купил старый учитель с седой бородой. Но попугай у него не остался. Он находил, что старик плохо говорит по-гречески, и не мог слышать, как он неправильно преподает этот язык. Интересно было бы знать, куда он делся. Этот попугай знал географию лучше всякого человека. Подумаешь — человек! Я уверен, что если бы люди научились летать, ну хоть, как самый простой воробей, то разговорам конца бы не было!

— Ты — умная старая птица, — сказал Доктор. — А вправду сколько тебе лет? Я слышал, что попугаи и слоны живут очень, очень долго.

— Не могу в точности сказать, — ответил Полинезия. — Не то сто восемьдесят три, не то сто восемьдесят два. Но я помню, когда я в первый раз прилетел сюда из Африки, — это было при Царе Горохе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОПЯТЬ ДЕНЕЖНЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ

Доктор опять стал хорошо зарабатывать. Его сестра Сара купила себе новое платье и была очень довольна.

Из животных, приходивших лечиться, некоторые были настолько больны, что Доктор оставлял их у себя на неделю. А когда они начинали поправляться, то сидели в креслах на лужайке. Даже, когда они уже совсем выздоравливали, то не торопились уходить — они любили Доктора и его домик. А у него не хватало духу отказать, если кто-нибудь хотел остаться у него навсегда. Так у него набиралось все больше и больше квартирантов.

Однажды вечером, когда он сидел на заборе и курил трубку, во двор вошел итальянец-шарманщик с обезьянкой на поводу. Доктор сразу увидел, что у обезьянки слишком тугой ошейник, и что она грязная и жалкая. Он взял обезьянку у шарманщика, дал ему шиллинг и велел уходить. Шарманщик страшно рассердился и стал требовать свою обезьянку обратно; но Доктор пригрозил поколотить его, если он не уйдет. Джон Дулитль был силач, несмотря на свой небольшой рост. Итальянец ушел, отчаянно ругаясь, а обезьянка

осталась жить у Доктора. Другие животные в доме прозвали ее Чи-Чи, что на обезьяньем языке значит «пряник».

В другой раз в Грязеводск приехал цирк. Ночью оттуда сбежал крокодил, у которого болели зубы, и пришел к Доктору в сад. Доктор поговорил с ним на крокодильем языке, привел к себе домой и вылечил ему зуб. Когда крокодил увидал, какой это хороший домик, в котором для всякой звериной породы есть свое место, он решил остаться у Доктора. Он попросился почевать в саду, в пруде, и сказал, что не будет трогать рыб. Когда за ним пришли цирковые сторожа, то он так рассвирепел и так буйствовал, что они в испуге убежали. Но с обитателями домика он был всегда ласков, как котенок.

Теперь из-за крокодила старушки стали бояться присылать к Доктору своих собачек. А фермеры не верили, что он не слопает больных ягнят и телят, если их привести к Доктору.

Доктор пошел к крокодилу и попросил его вернуться в цирк. Но крокодил плакал такими горькими слезами и так умолял оставить его, что у Доктора не хватило духу его прогнать.

Тогда к Доктору пришла его сестра и сказала:

— Джон, ты должен отослать эту тварь. Фермеры и старушки боятся посылать к тебе своих животных, — а у нас дела только-только стали поправляться. Ведь мы окончательно разоримся. Это наша последняя надежда. Я больше не буду у тебя хозяйничать, если ты не прогонишь этого аллигатора.

— Это не аллигатор, а крокодил, — сказал Доктор.

— Мне все равно, как он там называется, — сказала сестра. — Не очень-то приятно найти эту гадость под кроватью! Не хочу, чтоб он жил здесь в доме!

— Но он обещал не кусаться,—ответил Доктор,—ему не нравится цирк, а у меня нет денег, чтоб отослать его на его родину, в Африку. Он в чужие дела не суется и в общем ведет себя прилично. Ну, чего тебе суесться!

— А я говорю, что не потерплю его дольше,—воскликнула Сара,—он грызет линолеум. Если ты его не выгонишь сию же минуту, то я—я уйду и выйду замуж!

— Прекрасно!—сказал Доктор.—Ступай, выходи замуж. Что делать!

Он достал с вешалки свою шляпу и отправился в сад.

Сара Дулитль упаковала свои вещи и уехала; а Доктор остался один со своим звериным семейством.

Скоро он совсем обнищал: столько ртов надо было кормить и за домом смотреть, а некому было штопать, и денег неоткуда было взять, чтобы заплатить мяснику. Положение было трудное. Но Доктор не унывал.

— Деньги — ужасное наказание! — говорил он. — Лучше бы их никогда не было! К чему они, когда мы и без них счастливы?

Но скоро и животным это надоело. Однажды вечером, когда Доктор дремал в своем кресле перед огнем, они заговорили между собою шопотом. Сова Ту-Ту, которая была сильна в арифметике, вычислила, что до конца недели денег хватит только при том, если они будут есть один раз в день, не больше.

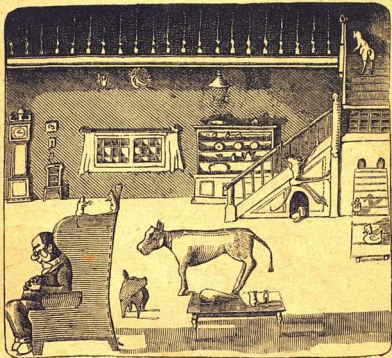
А попугай сказал:

— Мы должны сами делать всю домашнюю работу. Хотя это нам нужно взять на себя. Ведь старик из-за нас стал таким одиноким и несчастным.

Было решено, что обезьяна Чи-Чи будет стряпать и чинить; собака будет мести полы; утка будет выти-

рать пыль и стелить постели; сова Ту-Ту вести счета, а поросенок работать в огороде. Попугаю Полинезии, как самому старшему, предоставили заведывание хозяйством и стирку.

Сначала новые работы показались им всем трудными—всем, кроме Чи-Чи, у которой были руки, так

что она могла все делать, как люди. Но потом они привыкли, и им было занятно смотреть, как пес Джим подметает пол тряпкой, привязанной к хвосту.

Очень скоро они научились хорошо исполнять свою работу, и Доктор уверял, что никогда в доме не было такой чистоты и порядка.

Все шло хорошо, но без денег все-таки было трудно.

Тогда животные устроили палатку с овощами и цветами около садовой решетки и стали продавать прохожим редиску и розы.

Однако их заработков не хватало на расходы, но Доктор не унывал. Когда попугай сказал ему, что рыбак больше не отпускает рыбы в долг, он сказал:

— Пустяки! Пока куры несутся и корова дает молоко, у нас будет яичница и простокваша. А в огороде много овощей. До зимы еще далеко. Не суетитесь. Вот и с Сарой было трудно ладить — она была такая суетливая. Как-то ей теперь живется? Хорошая она женщина, в своем роде. Ну, да ладно, ладно!

Снег в этом году выпал раньше обыкновенного. Старая хромая лошадь привозила из соседнего леса много дров, и кухня жарко топилась; но большая часть овощей из собственного огорода уже была с'едена, и многим из зверей приходилось прямо голодать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВЕСТИ ИЗ АФРИКИ

Зима была очень холодная. В один декабрьский вечер все они сидели в кухне у огня, а Доктор читал им велух книгу, которую сам написал на зверином языке. Вдруг сова Ту-Ту сказала:

— Тс! Что это за шум на улице?

Все прислушались и, действительно, услышали топот. Дверь открылась, и запыхавшись вбежала обезьяна Чи-Чи.

— Доктор!—воскликнула она.—Я получила известие от моего двоюродного брата из Африки. Там у обезьян появилась какая-то ужасная болезнь. Все заражаются и мрут, как мухи. Они слышали про вас и просят вас приехать в Африку, чтоб остановить эту болезнь.

— Кто принес известие?—спросил Доктор, снимая очки и откладывая книгу в сторону.

— Ласточка,—сказала Чи-Чи.—Она сидит на дворе, на дождевой бочке.

— Давай ее сюда, к огню,—сказал Доктор,—а то она погибнет от холода. Ласточки уж полтора месяца, как улетели на Юг.

Ласточку притащили. Она вся с'ежилась и дрожала от холода. Сначала она немного боялась, но потом обогрелась, села на выступ камина и стала рассказывать.

Когда она кончила, Доктор сказал:

— Я с радостью поехал бы в Африку, особенно в такую мерзкую погоду. Но я боюсь, что у нас не хватит денег на проезд. Дай мне копилку, Чи-Чи.

Обезьяна полезла на буфет и достала копилку с верхней полки.

В ней ничего не оказалось, ни единой монетки.

— А я думал, что еще есть два пенса, — сказал Доктор.

— Были, — сказала сова. — Но вы на них купили погремушку для барсученка, когда у него прорезались зубы.

— Разве? — сказал Доктор. — Ах, ты, моя головушка! Что за наказание эти деньги! Ну, что ж! Может быть, на берегу моря мне удастся достать лодку, чтоб поехать в Африку. Я у одного моряка лечил ребенка от кори. Может быть, он даст нам лодку — его ребенок выздоровел.

На следующий день, рано утром, Доктор отправился на берег моря. Скоро он возвратился и рассказал животным, что все складывается удачно, и моряк дает им корабль.

Крокодил, обезьяна и попугай запели от радости, что едут в Африку, на свою родину. А Доктор сказал:

— Я могу взять с собой только вас троих, да еще пса Джипа, утку Дэб-Дэб, поросенка Гёб-Гёб и сову Ту-Ту. Остальные звери — полевые мыши, летучие мыши и кроты должны вернуться к себе в поля, где они родились, и там ждать, пока мы приедем назад. Многие из них засыпают на всю зиму; они и не заметят,

как пройдет это время. К тому же им и вредно ехать в Африку.

Попугай, не раз ездивший по морю, стал советовать Доктору, что взять с собой в дорогу.

— Вам нужно запастись морскими сухарями,—сказал он:—и мясными консервами. Не забудьте также прихватить якорь.

— Я думаю, что на корабле есть свой якорь,—сказал Доктор.

— Проверьте только,—сказал Полинезия.—Это очень важно. Без якоря нельзя делать остановок. Вам еще нужен звонок.

— Зачем?—спросил Доктор.

— Чтобы показывать время,—сказал попугай.—Вы будете звонить каждые полчаса и, таким образом, будете знать, который час. Заберите с собой побольше веревок—они всегда нужны в пути.

Тут они стали толковать, где бы взять денег, чтобы закупить все необходимое.

— О, несчастье! Опять деньги!—воскликнул Доктор,—как я рад, что мы едем в Африку, где не надо никаких денег! Я сейчас пойду к лавочнику и попрошу его отпустить товар, а с деньгами подождать до моего возвращения. Нет, я лучше пошлю к нему моряка.

Моряк пошел к лавочнику и тотчас же принес все, что было нужно.

Тогда животные стали укладываться. Они спустили воду из труб, чтобы они не полопались от мороза, закрыли ставни, заперли дом, а ключ отдали старой лошади, которая жила в конюшне. Убедившись, что у лошади полный сеновал сена, и ей хватит корму на всю зиму, они потащили свой багаж к берегу и сели на корабль.

Кошек-Корм пришел проводить их. Он принес Доктору на дорогу большой пуддинг из сала; он слышал, что в чужих странах пуддингов из сала не делают.

Как только они вошли на корабль, поросенок Гёб-Гёб спросил, где его кровать; было уже четыре часа, и ему хотелось соснуть. Полинезия повел его вниз, в каюту и показал ему койки, приделанные к стене одна над другой, как книжные полки.

— Какая же это кровать!—воскликнул Гёб-Гёб.— Это полка!

— На кораблях всегда такие кровати,—ответил попугай.—Это не полка. Влезай и спи. Это называется «койка».

— Я еще не лягу,—сказал Гёб-Гёб.—Мне не сидится на месте. Я поднимусь наверх и посмотрю, как мы тронемся в путь.

— Понятно, это—твоя первая поездка,—сказал Полинезия.—Потом научишься жить.

И он поднялся по лестнице, напевая песенку:

В Черном, в Белом море был я,
Был на Огненной земле,
Мыс Зеленый обогнул я,
Небо синее—езде.
Реку Желтую нашел
И к Оранжевой пришел.
Мне цвета все надоели—
И назад я еду к Нелли.

Они только собрались отчалить, как Доктор вспомнил, что должен еще сбегать спросить у моряка дорогу в Африку.

Но ласточка уверила, что она была там уже много раз и покажет им, как ехать. Тогда Доктор велел Чи-Чи поднять якорь, и они пустились в путь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДАЛЬНЕЕ ПЛАВАНИЕ

Целых шесть недель плыли они по морским волнам, вслед за ласточкой, — которая летела перед кораблем, показывая дорогу. Ночью она несла с собою маленький фонарик, чтобы они в темноте не потеряли ее из виду. А на встречных кораблях думали, что это падучая звезда.

Чем дальше юни плыли на юг, тем становилось все теплее и теплее. Полинезия, Чи-Чи и крокодил бесконечно радовались жаркому солнцу. Они со смехом бегали и смотрели через борт, не видна ли уже Африка.

А поросенок, собака и сова Ту-Ту не могли ничего делать в такую жару и сидели, высунув языки, под тенью большого боченка и пили лимонад.

Чтобы освежиться, утка Дэб-Дэб прыгала в море и плавала около корабля. И всякий раз, когда солнце сильно пригревало ей голову, она ныряла под корабль и выплывала с другой стороны. Тем же способом она ловила селедок по вторникам и пятницам, когда все на корабле ели рыбу, чтоб побережь мясо.

Под экватором они увидели много летучих рыб, направлявшихся им навстречу. Летучие рыбы спросили Полинезию, правда ли, что это корабль Доктора

Дулитля. Попугай сказал, что правда, и они этому очень обрадовались. По их словам, обезьяны в Африке уже пришли в отчаяние, что он не едет. Полинезия спросил, долго ли им еще ехать. Летучие рыбы сказали, что до берегов Африки осталось только пятьдесят пять миль.

В другой раз им повстречалась целая стая плясавших по волнам дельфинов. Дельфины тоже спросили Полинезию, кто едет. Узнав, что едет знаменитый Доктор, они спросили, не нужно ли ему чего-нибудь на дорогу.

Полинезия ответил:—Нужно. У нас вышел весь лук.

— Недалеко отсюда есть остров,—сказали дельфины.—Там растет крупный и крепкий дикий лук. Плывите себе прямо—мы достанем его и принесем вам.

Дельфины нырнули в море. А вскоре попугай увидел, что они плывут обратно и тащут по волнам большую сеть из водорослей, наполненную луком.

На следующей вечер, когда солнце уже село, Доктор сказал:

— Дай мне подзорную трубу, Чи-Чи. Наше путешествие приходит к концу. Скоро мы увидим берег Африки.

Через полчаса они заметили впереди что-то похожее на землю; но было уже темно, и они не были уверены, что это действительно земля.

Вдруг поднялась сильная буря с громом и молнией. Ветер завывал; дождь лил потоками, и волны поднимались так высоко, что перекатывались через корабль.

Раздался страшный треск. Корабль остановился и наклонился на бок.

— Что случилось?—спросил Доктор, поднимаясь по лестнице наверх.

— Еще не знаю, — сказал попугай, — но думаю, что мы потерпели крушение. Пошли утку посмотреть.

Дэб-Дэб нырнула в волны. Когда она выплыла, то сказала, что они наткнулись на скалу; на дне корабля образовалась большая дыра; корабль быстро наполняется водою и опускается ко дну.

— Мы, должно быть, наткнулись на Африку, — сказал Доктор. — Ай-ай-ай! Надо вплавь добираться до берега.

Но Чи-Чи и Гёб-Гёб не умели плавать.

— Дайте веревку! — сказал Полинезия. — Я говорил, что она пригодится. Где утка? Поди сюда, Дэб-Дэб. Возьми конец веревки, лети к берегу и привяжи его к пальме, а другой конец мы будем держать на корабле. Кто не может плавать, будет карабкаться по веревке к берегу. Это называется «спасательный пояс».

Таким образом, они благополучно добрались до берега — кто вплавь, кто по воздуху; а те, которые карабкались по веревке, тащили чемодан и сумку Доктора.

На дне корабля была огромная дыра. Бурное море разбило его о скалы, и обломки его понеслись в разные стороны.

Путешественники нашли хорошенькую сухую пещеру в скале и в ней переждали бурю.

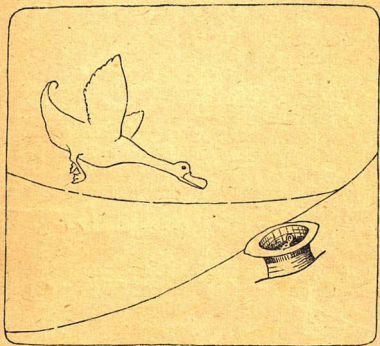
Когда на утро взошло солнце, они вышли на песчаный берег обсушиться.

— Милая старушка Африка! — вздыхал Полинезия. — Как приятно вернуться домой! Подумать только — завтра исполнится сто шестьдесят девять лет, как я отсюда уехал! И ровно ничего не изменилось. Те же старые пальмы; та же старая коричневая земля, те же старые черные муравьи. Нет места лучше родины!

Другие заметили у попугая слезы на глазах — от радости, что он снова видит родную страну.

Вдруг Доктор спохватился, где цилиндр; его унесло в море во время бури. Дэб-Дэб отправилась его искать и скоро увидела, что он плавает по морю, как игрушечный кораблик, а в нем сидит мышка.

— Что ты тут делаешь?—спросила утка.—Тебе велено было оставаться в Грязеводеке!

— Я не хотела отставать от вас,—сказала мышка.—Мне хотелось посмотреть, какая такая Африка. У меня здесь есть родственники. Я спряталась в багаже, и меня принесли на корабль вместе с морскими сухарями. Когда корабль стал тонуть, я очень испугалась—я плохо плаваю. Я плыла, пока могла, но

скоро выбилась из сил и думала, что вот-вот утонут. Как раз в эту минуту подплыла шляпа старика. Я вскочила в нее, потому что мне не хотелось утонуть.

Утка схватила цилиндр вместе с мышкой и принесла его Доктору на берег. И все столпились посмотреть, в чем дело.

— Это называется «сокровище», — сказал попугай.

Пока они отыскивали для белой мышки местечко в чемодане, где она могла бы путешествовать с удовольствием, обезьянка Чи-Чи вдруг воскликнула:

— Тише! Я слышу шаги в лесной чаще.

Животные замолчали и стали прислушиваться. Вскоре из леса вышел черный человек и спросил их, что им тут нужно.

— Мое имя Джон Дулитль, Д. М., — сказал Доктор. — Меня пригласили приехать в Африку лечить больных обезьян.

— Все вы должны явиться к Королю, — сказал чернокожий человек.

— К какому Королю? — спросил Доктор, которому не хотелось зря терять время.

— К Королю Джолигинки, — ответил незнакомый человек. — Все эти земли принадлежат ему; и всех чужеземцев приводят к нему. Идите за мной.

Они взяли свой багаж и пошли вслед за ним по лесной чаще.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЦОЛИНЕЗИЯ и КОРОЛЬ

По маленькой тропинке, через густую чащу леса дошли они до большой просеки; на ней стоял сделанный из глины дворец Короля.

В нем жил Король с Королевой Эрминтрудой и сыном, Принцем Бумпо. Принца не было дома—он ловил в реке лососей. Король и Королева сидели под зонтиком у входной двери. Королева Эрминтруда дремала.

Когда Доктор подошел к дворцу, Король спросил, кто он такой. И Доктор рассказал ему, зачем он приехал в Африку.

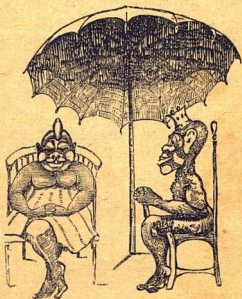
— Тебе нельзя путешествовать по моим землям,—сказал Король.—Много лет тому назад белый человек пришел в эти места. Я хорошо принял его. Но он накопал ям в земле, чтобы достать золото, и убил всех слонов, чтобы забрать их клыки; а потом тайком уехал на своем корабле, не сказав даже «спасибо». Больше ни один белый человек не посмеет путешествовать по стране Джолигинки.

Король обернулся к одному из чернокожих людей, стоявших около него, и сказал:

— Возьми этого лекаря со всеми его зверями и запри в мою самую крепкую тюрьму!

Шестеро чернокожих людей увели Доктора и всех его любимцев и посадили в каменную башню. В башне, высоко в стене, было только одно маленькое окошко с решеткой, а дверь была тяжелая и прочная.

Все они приуныли, а поросенок Гёб-Гёб стал плакать. Но Чи-Чи пообещала его отшлепать, если он не перестанет визжать, и он притих.

— Мы все здесь?—спросил Доктор, когда немного привык к тусклому свету.

— Должно быть, все,—сказала утка и стала считать.

— Где же Полинезия?—спросил крокодил.—Его здесь нет.

— В самом деле?—сказал Доктор.—Посмотрите хорошенько. Полинезия! Полинезия! Где ты?

— Должно быть, удрал,—буркнул крокодил.—Это на него похоже. Уйти тайком в лес, когда друзья в беде!

— Я не такого сорта птица,—сказал попугай, вылезая из заднего кармана докторова сюртука.—Видите, я такой маленький, что могу пролезть через решетку этого окна, и я боялся, что меня вместо тюрьмы, посадят в клетку. Пока Король был занят разговорами, я влез Доктору в карман, и вот я здесь! Это называется «военная хитрость»,—добавил он, разглаживая клювом свои перышки.

— Ну!—воскликнул Доктор.—Счастье твое, что я на тебя не сел!

— Теперь слушайте,—сказал Полинезия,—сегодня вечером, как только стемнеет, я вылезу в окно через решетку и полечу к дворцу. И—вы увидите—я заставлю Короля выпустить нас из тюрьмы.

— Как же ты это сделаешь?—сказал Гёб-Гёб, сморщив нос и снова принимаясь плакать.—Ты ведь только птица!

— Совершенно верно,—сказал попугай.—Но не забудь, я хоть и птица, но умею *говорить, как человек*, и знаю этих чернокожих.

Ночью, когда луна осветила пальмы, и все люди Короля заснули, попугай вылез из тюрьмы через решетку в окне и полетел к дворцу.

Окно в кладовой дворца уже с неделю было пробито мячом, и попугай протиснулся через дыру в стекле.

Он слышал, как принц Бумпо храпел в своей спальне, в глубине дворца. На цыпочках он поднялся по лестнице к спальне Короля, тихонько открыл дверь и заглянул туда.

Королева в эту ночь была на балу у своего двоюродного брата, а Король лежал в постели и крепко спал.

Полинезия тихонько прокрался и залез под кровать. Вдруг он закашлялся—совсем так, как Доктор Дулитль. Полинезия умел передразнивать кого угодно.

Король открыл глаза и спросил сонным голосом:

— Это ты, Эрминтруда? — (Он думал, что это Королева вернулась с бала.)

Тогда попугай снова кашлянул—громко, как человек. Король вскочил, стряхнув с себя сон, и спросил:

— Кто здесь?

— Я, Доктор Дулитль,—сказал попугай, точь в точь, как сказал бы сам Доктор.

— Что тебе нужно в моей спальне?—закричал Король,—как ты смел выйти из тюрьмы? Где ты? Я тебя не вижу!

Но попугай только засмеялся продолжительным громким, веселым смехом, совсем как Доктор.

— Перестань смеяться и подойди сюда, чтобы я мог тебя видеть,—сказал Король.

— Глупый Король!—ответил Полинезия.—Разве ты забыл, что разговариваешь с Джоном Дулитлем, Д. М., самым удивительным человеком на земле? Разумеется, ты не можешь меня видеть. Я сделался невидимкой. Нет ничего, чего я не мог бы сделать. Теперь слушай. Я пришел предупредить тебя. Если ты непустишь меня и моих животных путешествовать по твоему царству, то я напущу на тебя и на твой народ мор, как у обезьян. Ведь я могу делать человека здоровым, могу делать и больным, стоит мне только поднять мизинец. Пошли сейчас же стражу открыть двери тюрьмы, или все вы заболеете свинкой прежде, чем солнце взойдет над горами Джозилигинки!

Король очень испугался и весь задрожал.

— Доктор! — взмолился он, — все будет по-твоему. Только не поднимай мизинца, пожалуйста.

И он соскочил с постели и побежал сказать страже, чтобы открыли двери тюрьмы.

Как только он ушел, Полинезия тихонько спустился вниз по лестнице и покинул дворец через окно кладовой.

В это время Королева вошла через черный ход со своим ключом и увидела, как попугай вылезал из разбитого окошка. А когда Король вернулся в спальню, она рассказала ему об этом.

Король понял, что его провели, и страшно рассердился. Он сейчас же побегал в тюрьму.

Но было уже поздно. Дверь тюрьмы была открыта. В башне никого не было. Доктор и все его животные ушли.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОБЕЗЬЯНИЙ МОСТ

От волнения Королева Эрминтруда не спала. Никогда в жизни она не видела своего мужа таким свирепым, как в эту ночь. Он скрежетал зубами от ярости. Он ругал всех и каждого. Он запустил зубную щетку в дворцового кота. Он бегал взад и вперед в одной рубашке. Он поднял на ноги всю свою армию и послал ее в лес искать Доктора. Потом он приказал всем своим служащим тоже идти на подмогу: повара и садовники, цирюльник и воспитатель принца Бумпо, даже Королева, которая измучилась от танцев в узких туфлях—все должны были помогать солдатам в поисках.

А в это время Доктор и его животные бежали, что было сил через лес, по направлению к Стране Обезьян.

Гёб-Гёб на своих коротких ножках скоро устал, и Доктор взял его на руки. Это было довольно затруднительно, так как приходилось еще тащить чемодан и сумку.

Король Джолигинки думал, что его солдатам легко будет найти их, потому что Доктор был в чужой стране и не знал дороги. Но он ошибался—обезьяна Чи-Чи

знала все тропинки в лесу лучше даже, чем королевские люди. Она привела Доктора и его любимцев в самую чащу леса—к месту, где до сих пор не бывал еще ни один человек—и спрятала их в дупле дерева, которое росло между высоких скал.

— Нам лучше переждать здесь, пока солдаты уйдут домой спать,—сказала Чи-Чи.—Тогда мы можем идти дальше в Страну Обезьян.

Всю ночь они оставались в дупле.

Они слышали, как королевские люди искали их и разговаривали между собою. Но они были в безопасности, потому что никто, кроме Чи-Чи, не знал этого потайного уголка—не знали даже другие обезьяны.

Когда солнечный свет стал уже проникать через густую листву деревьев, они услышали, как Королева Эрминтруда сказала очень утомленным голосом, что нет смысла дольше искать, и пора пойти домой хоть немножко поспать.

Как только солдаты ушли, Чи-Чи вывела Доктора и всех животных из их убежища, и они пустились в Страну Обезьян.

Долго-долго шли они. Часто они уставали, особенно Габ-Габ. Когда он плакал, ему давали молока из кокосовых орехов, которое ему очень нравилось.

Еды и питья у них всегда было вдоволь, потому что Чи-Чи и Полинезия знали всевозможные фрукты и овощи, которые растут в лесу—финики и винные ягоды, земляные орехи и имбирь—и умели находить их. Они научились делать лимонад из сока диких апельсинов и подслащали его, вместо сахара, медом прямо из сот, которые брали в дуплах деревьев. Что бы они ни попросили, Чи-Чи и Полинезия всегда могли это достать или заменить чем-нибудь подходящим.

Однажды они даже достали для Доктора табаку; он выкурил весь свой запас, а ему очень хотелось курить.

Ночью они спали в палатках из пальмовых листьев, на пушистых мягких постелях из сухой травы. Через некоторое время они привыкли много ходить, не так уставали и наслаждались своей кочевой жизнью.

Они всегда радовались, когда темнело, и они располагались на ночлег. Доктор обыкновенно разводил маленький костер, и они все после ужина садились, в кружок и слушали, как Полинезия пел песенки про море или Чи-Чи рассказывала лесные сказки.

Чи-Чи знала много интересных сказок. Хотя у обезьян не было книг по истории, пока Доктор Дулитль не написал для них такую книгу, но обо всем, что у них случилось, они рассказывали в своих сказках.

И Чи-Чи вспоминала все, что слышала от своей бабушки. Она рассказывала о том, что было давно, давно, давно, еще до Ноева ковчега и потопа, о тех временах, когда люди одевались в звериные шкуры, жили в пещерах и ели сырую баранину—они не умели стряпать, они не знали, что такое огонь. Чи-Чи им рассказывала про огромных мамонтов и ящериц, длиною в поезд, которые в те времена бродили по горам и обгладывали верхушки деревьев.

Часто они так заслушивались, что не замечали, как у них потухал огонь; им приходилось опять собирать хворост и разводить новый костер.

Когда армия Короля вернулась с пустыми руками, и Королю доложили, что Доктора не могли найти, он снова послал ее и приказал оставаться в лесу до тех пор, пока Доктор не отыщется.

По дороге в Страну Обезьян Доктор и его животные считали себя в безопасности и не замечали, что королевские солдаты шли за ними следом.

Если бы Чи-Чи это знала, она бы их спрятала опять. Но она этого не знала.

Однажды Чи-Чи вскарабкалась на высокую скалу и посмотрела вдаль, через верхушки деревьев. Спустившись вниз, она сказала, что теперь Страна Обезьян близко, и они скоро туда придут.

И правда, в тот же вечер они увидели двоюродного брата Чи-Чи и кучку других обезьян, которые еще не были больны. Обезьяны сидели на деревьях, около болота и дожидались их.

Когда обезьяны увидели, что знаменитый Доктор на самом деле приехал, то подняли страшный шум, кричали ура, махали листьями и прыгали с деревьев ему навстречу.

Они понесли его сумку и чемодан и все, что у него было, а одна из самых больших обезьян даже понесла Гёб-Гёба, который опять устал. Две из них бросились вперед предупредить больных обезьян о том, что великий Доктор, наконец, прибыл.

Но королевские солдаты, гнавшиеся за ними по пятам, услышали радостные клики обезьян. Наконец-то они узнали, где Доктор, и спешили, чтоб его захватить.

Большая обезьяна, которая несла Гёб-Гёба, шла потихоньку сзади и видела, что капитан армии крадется между деревьями. Она поспешила к Доктору и велела ему бежать.

Они побежали со всех ног. Подоспевшие солдаты тоже побежали за ними, и капитан побежал всех быстрее.

Вдруг Доктор споткнулся на свою сумку с лекарствами и упал в грязь. Капитан думал, что теперь наверно его захватит.

Но у него были очень длинные уши,—хотя волосы были очень короткие. И когда он прыгнул, чтобы схва-

тить Доктора, то одним ухом зацепился за дерево, и солдаты должны были остановиться, чтобы его выручить.

А в это время Доктор поднялся, и они снова пустились бегом. Чи-Чи закричала:

— Отлично! Теперь уж нам недалеко!

Неподалеку от Страны Обезьян находилась крутая скала, а под скалою протекала река. Здесь кончалось царство Джолигинки, а Страна Обезьян начиналась на другом берегу, за рекой.

Пес Джип посмотрел с крутой отвесной скалы вниз и сказал:

— Чорт! Как же мы переправимся?

— Ай-ай-ай! — воскликнул Гёб-Гёб. — Солдаты уже совсем близко. Посмотрите! Я боюсь, что они опять нас посадят в тюрьму.

И начал взвизгивать.

Но большая обезьяна бросила поросенка на землю и крикнула другим обезьянам:

— Ребята! Мост! Живо! Делайте мост! В минуту! Они выручили капитана, он бежит, как олень. Скорее! Мост! Мост!

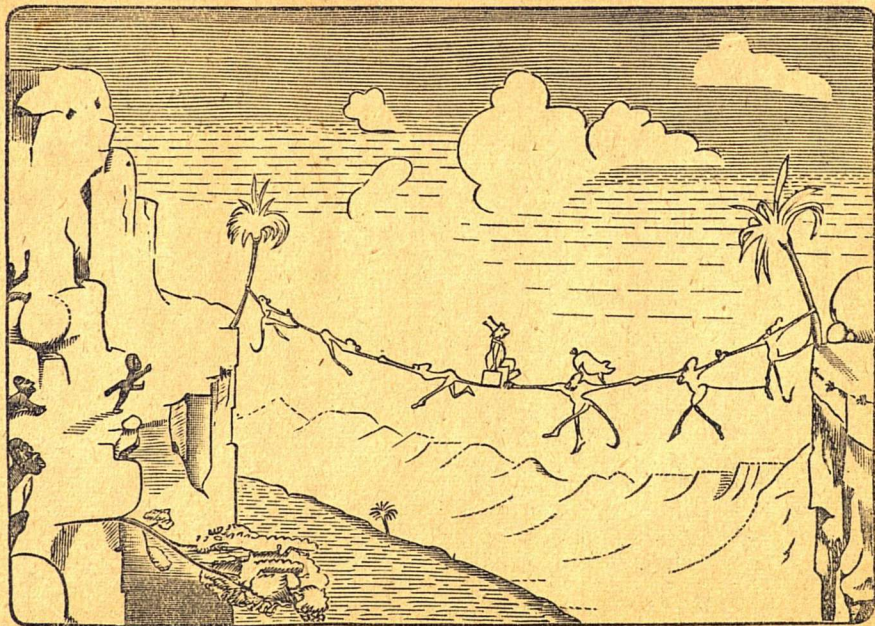
Доктора удивило, как это они сделают мост, и он стал осматриваться, где у них спрятаны доски.

Но когда он взглянул на скалу, то через реку уже был готов для него висячий мост из живых обезьян. Пока он стоял спиною, обезьяны, с быстротою молнии сделали мост, сцепившись руками и ногами.

Большая обезьяна крикнула Доктору:

— Переходите! Переходите—все! Торопитесь!

Гёб-Гёбу было немножко страшно переходить по узкому мосту на такой головокружительной высоте над рекой. Но все-таки он перешел благополучно; перешли и остальные.

Джон Дулитль переходил последним. Как раз в ту минуту, когда он ступил на другой берег, королевские солдаты стремительно подоежали к краю скалы.

Они сжали кулаки и завyli от ярости, увидев, что опоздали.

Доктор и все его животные были в безопасности в Стране Обезьян, а мост свернулся и переправился на другую сторону.

Тогда Чи-Чи обратилась к Доктору и сказала:

— Многие великие путешественники и седобородые натуралисты по неделям лежали в кустах и ждали, чтобы обезьяны проделали такую штуку. До сих пор мы этого не показывали ни одному белому человеку. Вы первый увидели знаменитый «Обезьяний Мост».

И Доктор был очень польщен.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЛЬВИНЫЙ ВОЖДЬ

Джон Дулитль был теперь страшно занят. Он нашел сотни и тысячи больных обезьян—горилл, шимпанзе, павианов, мартышек, серых, рыжих и всяких других. И многие уже околели.

Он начал с того, что отделил больных от здоровых. Потом он велел Чи-Чи и ее двоюродному брату сделать для него шалаш из травы. Здоровым обезьянам он велел приходить на прививку.

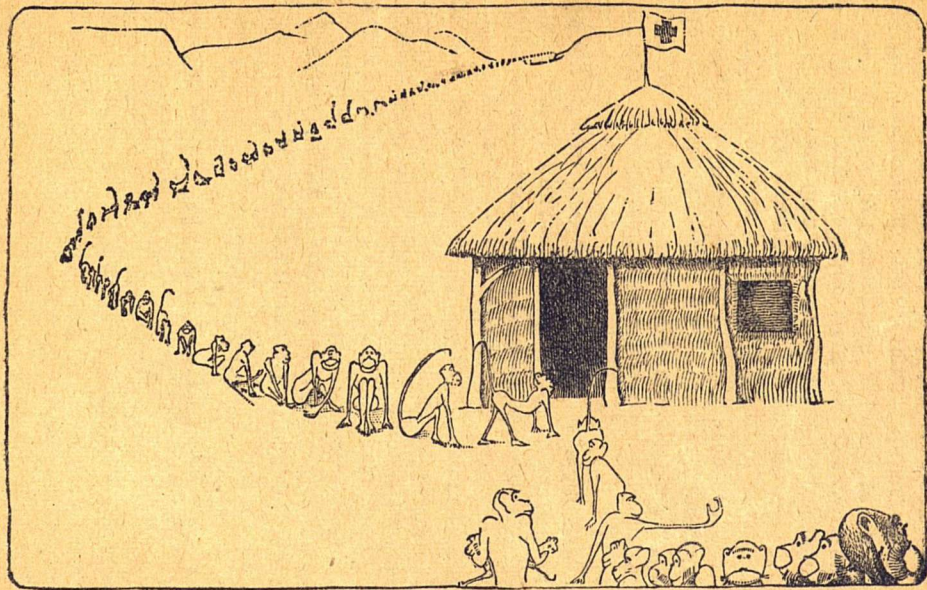
В течение трех дней и трех ночей, по горам и долам и лесам приходили обезьяны к маленькому шалашу из травы, где Доктор день и ночь делал прививки.

Потом ему сделали другой шалаш, побольше с целым рядом кроватей, и там он поместил всех больных.

Но больных было так много, что здоровых не хватало, чтобы за ними ухаживать. Доктор послал гонцов к другим животным—львам, леопардам и антилопам, чтобы звать их ухаживать за больными.

Вождь Львов был страшный гордец. Когда он пришел к большому шалашу Доктора, где лежали больные, вид у него был сердитый и презрительный.

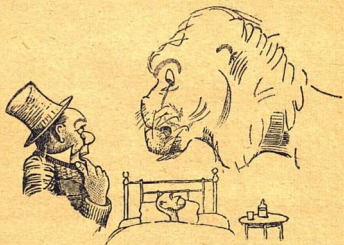
— Вы осмелились звать меня, Милостивый Государь?—сказал он, сверкая глазами.—Осмелились звать

меня—Меня, вождя Зверей—ухаживать за какими-то грязными обезьянами? Да я этих тварей и в рот не возьму!

Хотя Лев был очень свиреп, но Доктор старался не показывать вида, что ему страшно.

— Я не приглашал вас их кушать,—сказал он спокойн.—К тому же они совсем не грязные. Они все принимали ванну сегодня утром. А вот ваша шуба как-будто давно не чищена. Теперь послушайте, что

я вам скажу—может наступить такой день, когда и львы заболеют. И если теперь вы не поможете другим зверям, то и львам никто не поможет, если с ними случится беда.

— Львы никогда не бывают в беде,—они только сами причиняют беду,—сказал вождь, крутя носом. И он ушел в лес, гордо выступая, с сознанием, какой он язвительный и умный.

Леопарды тоже чванились и не хотели помогать. Отказались, разумеется, и антилопы. Хотя они были

смирны, робки и застенчивы, чтобы так держаться с Доктором, как Лев,—но они рыли землю копытами, глупо смеялись и говорили, что никогда еще не были сиделками.

И бедный Доктор был измучен до последней степени; он не знал, где найти помощников, чтобы ухаживать за этими тысячами больных обезьян.

Когда вождь Львов вернулся домой, ему навстречу выбежала вся растрепанная, Львица.

— Один из наших детенышей не может ничего проглотить,—сказала она.—Я не знаю, что с ним делать. Со вчерашнего дня он ничего не ел.

С нею сделалась истерика, потому что она была хорошей матерью, хоть и львиной породы.

Вождь вошел в свою берлогу и взглянул на своих детенышей—двух забавных львят, лежавших на полу. У одного из них был совсем жалкий вид.

Лев похвалился жене, как он разговаривал с Доктором. Она так рассердилась, что чуть не выгнала его из берлоги.

— У тебя никогда не было ни капли здравого смысла!—закричала она.—Все звери от нашей страны до самого Индийского океана твердят про замечательного Доктора, про его доброту, про то, что он может вылечить от всякой болезни, и что он—единственный человек во всем мире, который умеет говорить на зверином языке. А теперь, теперь, когда у нас больное дитя, ты его оскорбил! Большой болван! только дурак может грубить доброму Доктору! Ты...

Она остановилась и стала таскать мужа за гриву.

— Иди сейчас же к этому белому человеку и извинись перед ним. Возьми с собой других пустоголовых львов и этих глупых леопардов и антилоп. Делай все, что скажет Доктор. Работай, как негр. Может быть,

тогда он будет так добр, что придет к нам посмотреть нашего детеныша. Теперь ступай! Скорей, говорю тебе! Какой ты отец!

Она побежала в соседнюю пещеру, где жила другая львица, чтобы ей рассказать о своих огорчениях.

Вождь Львов явился к Доктору и сказал:

— Я проходил мимо и подумал—дай загляну! Что, достали вы себе помощников?

— К сожалению, нет,—сказал Доктор.

— Теперь очень трудно найти кого-нибудь,—сказал Лев.—Животные, повидимому, не нуждаются в работе. Конечно, нельзя их осуждать за это... Но вот я вижу, что вы в затруднении, я уж вас выручу, чем могу, чтобы вам сделать удовольствие. Но только этих тварей я несогласен мыть. Я сказал другим хищным зверям, чтобы они тоже пришли помогать. Леопарды должны быть здесь с минуты на минуту... К слову,—у нас дома больной львенок. Сам я не думаю, чтоб было что-нибудь серьезное, но жена очень беспокоится. Если вы будете сегодня вечером в наших краях, может быть, заглянете? А?

Доктор был очень доволен, потому что все львы, леопарды, антилопы, жирафы и зебры — все животные из гор, из долин, из лесов пришли ему помогать. Их было столько, что пришлось оставить только самых способных, а остальных отослать обратно.

Вскоре обезьяны стали поправляться. К концу первой недели большой шалаш с кроватями наполовину опустел. А к концу второй недели не осталось ни одной больной обезьяны.

Доктор сделал свое дело. Но он так устал, что без просыпа проспал подряд трое суток на одном боку.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

СОВЕТ ОБЕЗЬЯН

Чи-Чи сторожила около дверей Доктора и никого не пускала, пока он не проснулся. Когда же Джон Дулитль встал, то заявил обезьянам, что теперь ему пора возвратиться в Грязеводск.

Они очень удивились, так как думали, что он останется с ними навсегда. В эту же ночь все обезьяны собрались в лесу, чтобы обсудить это решение Доктора.

Старшина Шимпанзе поднялся и сказал:

— Почему добрый человек хочет уехать? Разве ему плохо здесь с нами?

Но никто не мог на это ответить.

Тогда встала Большая Горилла и сказала:

— Я думаю, что мы все должны пойти к нему и просить его остаться. Может быть, если мы выстроим ему новый дом, сделаем кровать пошире и пообещаем дать ему для услуг и для забав сколько угодно обезьян, то он и не захочет уехать.

Тогда поднялась Чи-Чи, и все обезьяны зашептали:

— Тише! Смотрите! Чи-Чи, великая путешественница хочет говорить!

Чи-Чи сказала обезьянам:

— Друзья мои, я полагаю, что бесполезно упрашивать Доктора остаться. У него есть долги в Грязе-

водске, и он говорит, что ему нужно спешить домой, чтобы заплатить деньги.

Тогда обезьяны спросили:

— А что такое деньги?

Чи-Чи рассказала, что в Стране Белых Людей ничего нельзя достать без денег, ничего нельзя сделать без денег,—почти невозможно прожить без денег.

Некоторые спросили:

— Разве нельзя пить и есть без платы?

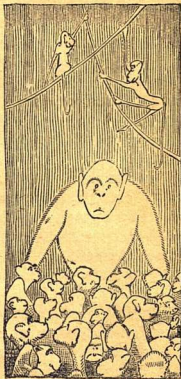
Чи-Чи покачала головой. Она им рассказала, что даже ей самой, когда она жила у шарманщика, приходилось просить денег у детей.

Тогда Старшина Шимпанзе обратился к Старшине Горилле и сказал:

— Братец, право, эти люди—странные существа! Ну, кто захочет жить в такой стране? Как там гадко!

Тогда Чи-Чи сказала:

— Когда мы решили ехать к вам, у нас не было корабля, чтобы переплыть море и не было денег, чтобы купить провизии на дорогу. Один человек дал нам взаймы сухарей. Мы ему сказали, что заплатим за них, когда вернемся. Мы заняли корабль у моряка; но он разбился на скалах, когда мы подплывали к берегам Африки. Доктор говорит, что должен вернуться и до-

стать для моряка другой корабль, потому что он—человек бедный, и корабль нужен для его промысла.

Все обезьяны молчали, сидели неподвижно на земле и думали крепкую думу.

Наконец Толстый Павиан поднялся и сказал:

— Прежде чем отпустить этого человека из нашей страны, мы должны сделать ему хороший подарок. Пусть он знает, как мы ему благодарны за все, что он для нас сделал.

Маленькая рыжая обезьянка, сидевшая на дереве, крикнула сверху:

— Я того же мнения!

Тогда все закричали и зашумели:

— Да! Да! Давайте сделаем ему такой подарок, какого никогда не получал ни один белый человек!

Все стали спрашивать друг у друга, что же лучше всего ему подарить. Одна сказала:

— Пятьдесят мешков кокосовых орехов!

Другая—сто пучков бананов, по крайней мере, ему не придется покупать фрукты в стране, где надо платить за еду!

Но Чи-Чи объяснила им, что все эти вещи тяжело везти так далеко, и половина их испортится в дороге.

— Если вы хотите доставить ему удовольствие,—сказала она,—подарите ему какого-нибудь зверя. Вы можете быть уверены, что он будет с ним хорошо обращаться. Подарите ему редкого зверя, которого нет ни в одном зверинце.

Обезьяны спросили:

— А что такое *зверинцы*?

Чи-Чи объяснила, что зверинцы это такие места в Стране Белых Людей, где животные сидят в клетках, а люди приходят на них смотреть. Обезьяны были возмущены и переговаривались между собой:

— Эти люди похожи на глухих мальчишек, у которых на уме только забавы. Бр! Ведь это же тюрьма!

Потом они спросили Чи-Чи, какого же редкого зверя можно подарить Доктору, чтобы ни один белый человек его до сих пор не видел?

Старшая из Мартышек спросила:

— Есть у них американская ящерица?

— Есть одна, в Лондонском Зоологическом саду, — сказала Чи-Чи.

Другая спросила:

— Есть у них жирафа?

— Есть. В Бельгии, куда шарманщик водил меня пять лет тому назад, была жирафа в большом городе Антверпене, — ответила Чи-Чи.

Кто-то спросил:

— А есть у них *пушми-пулью* ¹⁾.

Чи-Чи сказала:

— Нет. Ни один белый человек никогда не видел пушми-пулью. Это будет хороший подарок.

¹⁾ Пушми-пулью значит: Толк-меня—Дерг-тебя.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

САМОЕ РЕДКОЕ ЖИВОТНОЕ В МИРЕ

Редкие животные, пушми-пулюю теперь вымерли. Это значит, что их больше не существует. Но давно, давно, когда жил Доктор Дулитль, оставалось несколько штук их в дремучих лесах Африки. И даже тогда они были очень, очень редки. У них не было хвоста, зато было по голове с каждого конца и по острому рогу на каждой голове. Они были очень пугливы и не давались в руки. Чтобы ловить зверей, чернокожие обыкновенно подкрадываются сзади, когда звери не смотрят. Но с пушми-пулюю этого нельзя было сделать: с какой стороны ни подойти, он всегда смотрел на вас. Притом, когда одна его голова спала, другая всегда бодрствовала и была настороже. Вот почему их никогда не удавалось поймать и никогда не было видно в зверинцах. Знаменитые охотники и ловкие содержатели зверинцев целыми годами, во всякую погоду бродили по лесам в поисках за пушми-пулюю; но ни одного поймать не могли. Даже в те далекие времена это было единственное животное с двух голов.

Обезьяны отправились в лес искать пушми-пулюю. Они прошли много верст, как вдруг одна из них нашла странные следы на берегу реки. По ним они узнали,

что пушми-пулью где-то близко. Обезьяны пошли по тропинке вдоль берега и заметили местечко, где росла густая и высокая трава; они догадались, что он там. Взявшись за руки, они оцепили кругом место с высокой травой.

Пушми-пулью услышал, как они подошли и хотел прорваться через обезьяний круг. Но ему это не удалось. Когда он увидел, что спасенья нет, он сел и стал ждать, чего им нужно.

Обезьяны спросили, не хочет ли он ехать с Доктором Дулитлем в Страну Белых Людей, где его будут показывать.

Но он мотнул обеими головами и сказал:

— Конечно, нет!

Они объяснили ему, что его не посадят в зверинец, он будет на свободе, и на него будут только смотреть; что Доктор очень милый человек, но у него нет денег. Народ будет платить за то, что увидит животное о двух головах, и Доктор будет богатым и заплатит за корабль, который ему дали, чтобы приехать в Африку.

Но он ответил:—Нет! Вы знаете, какой я застенчивый. Я не люблю, чтоб на меня глазели!—И он чуть не заплакал.

Целых три дня обезьяны уговаривали его. К концу третьего дня он сказал, что сначала пойдет с ними посмотреть, что за человек Доктор.

Обезьяны вернулись обратно уже с пушми-пулью. Они подошли к травяному домику Доктора и постучались в дверь. Утка, которая в это время укладывала чемодан, сказала:

— Войдите!

Чи-Чи с гордостью ввела пушми-пулью в дом и представила его Доктору.

— Что это такое?—спросил Джон Дулитль, глядя во все глаза на странное животное.

— Помилуйте! — воскликнула утка. — Как же он думает зараз двумя головами?

— А, по-моему, он и вовсе не думает, — сказал пес Джип.

— Вот, Доктор, — сказала Чи-Чи: — это и есть пушми-пулю, самое редкое животное в лесах Африки, единственное во всем мире животное с двух головами. Возьмите его с собою и вы будете навек обеспечены. Люди станут платить какие угодно деньги, чтоб на него посмотреть.

— Но мне совсем не нужно денег, — сказал Доктор.

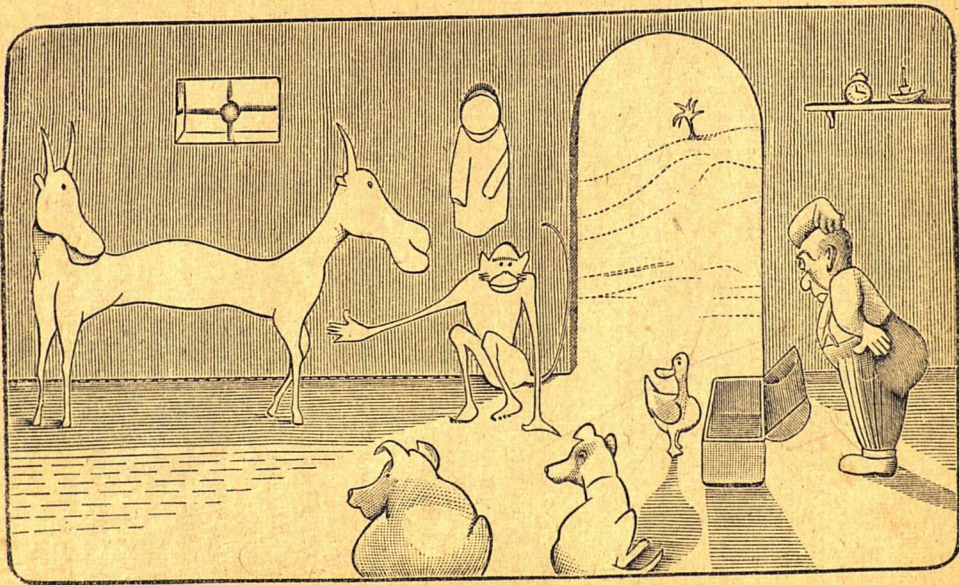
— Нет, нужно, — сказала Дэб-Дэб. — Разве вы забыли, как мучились в Грязеводске, чтобы заплатить по счету мясника? А как же вернуть моряку корабль, если его не на что будет купить?

— Я собирался построить ему корабль, — сказал Доктор.

— Да будьте же благоразумны! — воскликнула Дэб-Дэб. — Где же вы возьмете досок и гвоздей, чтоб его сделать? А на что же мы будем жить? Когда мы возвратимся, то будем еще беднее, чем прежде. Чи-Чи совершенно права: возьмите это чудище с собою!

— Хорошо! Может быть, вы отчасти и правы, — пробормотал доктор. — Это будет недурной новенький любимец. Но захочет ли пу — как он там зовется? — в самом деле ехать в чужие края?

— Да, я поеду, — сказал пушми-пулю, сразу увидевший по лицу Доктора, что это человек, достойный доверия. — Вы были так добры здесь ко всем животным, и обезьяны сказали мне, что только я вам и нужен. Но вы должны мне обещать, что отошлете меня назад, если мне не понравится в Стране Белых Людей.

— Ну, конечно,—сказал Доктор.—Извините меня, пожалуйста—вы, вероятно, приходитесь сродни семейству Ланей?

— Да,—сказал пушми-пулюю,—Абиссинским газелям и Азиатским верблюдам со стороны матери. А прадедущка моего отца был последний из единорогов.

— Очень интересно,—прошептал Доктор. Он вынул из чемодана, который укладывала Дэб-Дэб, какую-то книжку и стал перелистывать страницы.

— Посмотрим, что говорит об этом Бюффон ¹⁾.

— Я вижу,—сказала утка:—что вы говорите только одним из ваших ртов. А другой рот тоже умеет говорить?

— О, да!—сказал пушми-пулюю:—но другой рот я держу, главным образом, для еды. Таким образом, я могу в одно время разговаривать и есть, не нарушая правил приличия. Мы все в роду очень воспитаны.

Когда всё было уложено и все приготовления окончены, обезьяны устроили в честь Доктора большой пир. На него собрались все лесные звери. Еды и питья было вдоволь: ананасы, манго, мед и много других вкусных вещей.

Когда еда была кончена, Доктор поднялся и сказал:

— Друзья мои! Я не умею после обеда говорить длинных речей,—как другие. И я только что поел много фруктов и много меду. Но мне хочется сказать вам, как мне грустно покидать вашу прекрасную страну. Я должен уехать, потому что у меня есть дела в Стране Белых Людей. После моего отъезда не забывайте накрывать еду колпаками от мух и не спите на сырой земле. И... и я надеюсь, вы будете всегда счастливы.

¹⁾ Знаменитый ученый, знаток жизни животных.

Когда Доктор кончил свою речь и сел, обезьяны долго аплодировали и говорили между собой:

— Пусть в нашем роду сохранится память о том, как он сидел и ел с нами здесь, под деревьями. Ведь, он—Величайший из Людей!

А Большая Горилла, у которой в волосатых руках была сила, как у семи лошадей, подкатила к столу огромную скалу и сказала:

— Пусть этот камень навеки отметит памятное место!

И до сих пор, в самой гуще леса стоит этот камень. А обезьяны-матери, проходя по лесу со своими детенышами, указывают на него пальцами и шепчут:

— Вот! Смотри! Там в год Великого Мора сидел Добрый Белый Человек и ел с нами.

Когда пир кончился, Доктор со своими любимцами тронулся в путь к берегу моря. И все обезьяны проводили его до границы своей страны и несли его чемодан и сумку.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

В красивом уголке, на берегу реки они остановились, чтоб проститься.

Прощание длилось долго, потому что обезьян было много тысяч, и каждая хотела пожать руку Доктору Дулитлю.

Наконец Доктор и его любимцы остались одни и пошли дальше. Полинезия сказал:

— Мы должны итти потихоньку и говорить шопотом, когда будем проходить по стране Джолигинки. Если Король нас услышит, то опять пошлет своих солдат за нами. Я уверен, что он все еще сердится за мою проделку.

— А я думаю, — сказал Доктор, — как бы нам достать здесь другой корабль, чтобы поехать домой... Не найдем ли мы на берегу какую-нибудь никому ненужную лодку? Ну, да утро вечера мудренее.

Однажды, когда они проходили по чаще леса, Чи-Чи пошла вперед нарвать кокосовых орехов. В это время Доктор и остальные животные, не зная хорошо тропинок, заблудились в густом лесу. Они бродили и бродили, но никак не могли найти дороги к берегу моря.

Чи-Чи, нигде не видя их, страшно взволновалась. Она вскарабкалась на высокое дерево и стала смотреть с верхних веток, не видно ли где-нибудь цилиндра Доктора. Она делала знаки рукой, кричала, звала всех животных по именам. Но это было бесполезно. Они как будто бы сквозь землю провалились.

И вправду они окончательно сбились с пути. Они далеко отошли от тропинки; а по густым зарослям кустарников, перелитым ползучими растениями, они едва продвигались вперед. Доктор вынимал свой перочинный нож и расчищал дорогу. Они вязли в болотистых топях, запутывались в ползучих вьюнках, царапались на колючках и два раза чуть не потеряли в кустах мешок с лекарствами; казалось, не было конца их бедствиям: нигде они не могли попасть на дорогу.

Они проблуждали много дней, изорвали свою одежду, измазались в грязи и, в конце концов, попали по ошибке в дворцовый сад. Солдаты Короля тотчас же прибежали и схватили их.

Но Полинезия взлетел на дерево в саду так, что никто этого не заметил, и спрятался в ветвях. Доктора и всех остальных животных привели к Королю.

— Ага!—воскликнул Король.—Вас опять поймали! На этот раз вы уже не убежите. Посадите их всех снова в тюрьму и сделайте на дверях двойные запоры. Этот белый человек будет у меня мыть полы на кухне до конца дней своих.

Доктора и его любимцев посадили в тюрьму. И Доктору было сказано, что с утра он должен приняться за мытье полов.

Все они были очень удручены.

— Это очень неприятно,—сказал Доктор.—Мне ведь нужно вернуться в Грязеводек. А то моряк подумает,

что я украл его корабль, если я скоро не вернусь. Посмотрим, не поддастся ли дверь.

Но дверь была прочна и накрепко заперта, и казалось, что нет никакой надежды выйти из тюрьмы. Гёб-Гёб начал опять плакать.

Все это время Полинезия сидел на дереве в дворцовом саду. Он ничего не говорил, а только мигал.

У Полинезии это был плохой знак. Когда он ничего не говорил, а только мигал, значит, стряслась беда, и он обдумывал, как из нее выйти. И тот, кто навлекал беду на Полинезию или его друзей, почти всегда раскаивался в этом.

Вскоре он увидел, что Чи-Чи перескакивает с ветки на ветку в поисках за Доктором. Когда Чи-Чи увидела попугая, то прыгнула к нему на дерево и спросила, где же Доктор.

— Доктор и его животные арестованы королевскими солдатами и сидят в тюрьме,—шепнул Полинезия.— Мы сбились с дороги и по ошибке попали в дворцовый сад.

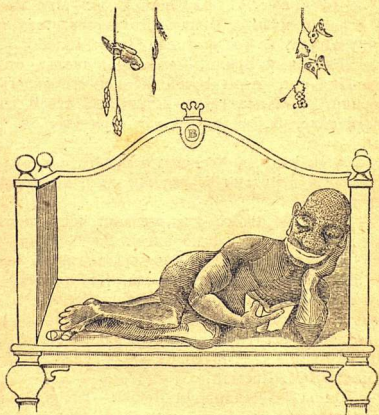
— Что же ты не мог показать им дорогу?—спросила Чи-Чи и стала бранить попугая за то, что по его вине они заблудились, пока она ходила за кокосовыми орехами.

— Во всем виноват этот глупый поросенок,—сказал Полинезия.—Он убежал с тропинки за имбирными корнями. И мне столько раз приходилось его ловить и приводить назад, что я от болота повернул влево вместо того, чтобы идти направо.

— Тс! Посмотри! Принц Бумпо идет в сад! Он не должен нас видеть. Не шевелись ни под каким видом!

В самом деле, Принц Бумпо, сын Короля, открывал садовую калитку. Под мышкой у него была книга со сказками. Он погулял по убитой песком аллее, на-

певая сквозь зубы грустную песенку, и подошел к каменной скамье, как раз под тем деревом, на котором прятались обезьяна и попугай. Он прилег на скамью и стал читать сказки.

Чи-Чи и Полинезия наблюдали за ним, затаив дыхание.

Через минуту Принц отложил книгу в сторону и тяжело вздохнул.

— О, если бы я был белым принцем! — сказал он, мечтательно закатив глаза.

Тогда попугай заговорил громко, тонким, высоким девичьим голосом:

— Бумпо, кто-то может превратить тебя в белого принца.

Принц вскочил и стал осматриваться.

— Что я слышу!—воскликнул он.—Мне кажется, что сладкая музыка волшебного серебристого голоса звучит оттуда, из той беседки. Вот странно!

— Достойный Принц!—сказал Полинезия, стараясь не шевелиться, чтобы Бумпо не мог его видеть:—ты говоришь крылатые слова истины. С тобою говорит Трипситинка, Королева Фей. Я спряталась в бутоне розы.

— О, скажи мне, Королева Фей,—воскликнул Бумпо, всплеснув руками от радости,—кто может сделать меня белым?

— В тюрьме твоего отца,—сказал попугай,—сидит знаменитый волшебник, по имени Джон Дулитль. Он знает медицину и магию и совершил много великих дел. Несмотря на это, твой отец, Король, заставляет его томиться в тюрьме. Сходи к нему тайком, храбрый Бумпо, после захода солнца, и ты превратишься во что ни на есть *белого* принца и покоришь сердце Красавицы. Я сказала достаточно. Теперь я должна вернуться в Царство Фей. Прощай!

— Прощай!—воскликнул Принц.—Тысячу раз благодарю тебя, добрая Трипситинка!

Он опять сел на скамью и с улыбкой на лице стал ждать захода солнца.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

МЕДИЦИНА И МАГИЯ

Очень, очень тихо, убедившись в том, что его никто не видит, Полинезия спорхнул с дерева и полетел к тюрьме. Он увидел, что Гёб-Гёб просунул свой нос сквозь решетку окна и вдыхает запах кушаний, который доносится из дворцовой кухни. Он приказал поросенку позвать Доктора к окну, так как ему нужно поговорить с ним по важному делу. Гёб-Гёб разбудил Доктора, который прилег отдохнуть.

— Послушайте!—прошептал попугай, когда показалось лицо Джона Дулитля.—Принц Бумпо сейчас придет к вам. Придумайте, как сделать его белым. Но сначала заручитесь обещанием, что он выпустит вас из тюрьмы и достанет вам корабль, чтобы переплыть море.

— Все это хорошо,—сказал Доктор.—Но не так легко сделать чернокожего белым. Это не платье переокрасить. Это не так просто. «Разве может Леопард изменить свои пятна или эфиоп—свою кожу?»—Знаешь это?

— Не знаю и знать не хочу,—нетерпеливо воскликнул Полинезия.—Но вы *должны* побелить его кожу. Придумайте как. У вас целый мешок лекарств. А он

что угодно сделает для вас, если вы измените его цвет. Это единственный способ выйти из тюрьмы.

— Хорошо, может быть, это и возможно,—сказал Доктор.—Дай, я взгляну,—и он стал просматривать свою аптечку, бормоча про себя:—Хлор... животный пигмент... может быть, цинковая мазь, как временное средство... густым слоем...

В эту же ночь Принц Бумпо пришел тайком к Доктору в тюрьму и сказал ему:

— Белый Человек, я—несчастный Принц. Много лет тому назад я пошел искать Спящую Красавицу, о которой я прочитал в книжке. Я странствовал по свету много дней и, в конце концов, нашел ее и нежным поцелуем разбудил ее—все, как в книжке. Она проснулась. Но когда она увидела меня, то закричала:—«Ай, он черный!» Она убежала и не захотела выйти за меня замуж—и заснула снова где-то в другом месте. А я с грустью вернулся назад, в Царство моего отца. Теперь я узнал, что ты—удивительный волшебник, и у тебя есть чудесные зелья. Я пришел, чтоб ты мне помог. Если ты сделаешь меня белым, чтоб я мог опять пойти к Спящей Красавице, то я отдам тебе полцарства и на придачу все, что ты ни попросишь.

— Принц Бумпо,—сказал Доктор, глубокомысленно разглядывая бутылочки в своей аптечке,—не достаточно ли сделать твои волосы белокурыми?

— Нет,—сказал Бумпо.—Это не то. Я должен стать белым Принцем.

— Скажу тебе, что изменить цвет кожи у принца очень трудно для волшебника. Тебе нужно только лицо белое, не правда ли?

— Да, только лицо,—сказал Бумпо.—Потому что я надену блестящие латы и стальные рукавицы, как другие белые принцы, и буду гарцовать на лошади.

— А лицо должно быть сплошь белое? — спросил Доктор.

— Да, сплошь, — сказал Бумпо. — Я хотел бы тоже голубые глаза, но думаю, что это будет трудно.

— Да, очень трудно, — сказал поспешно Доктор. — Хорошо, я сделаю для тебя все, что могу. Но ты должен вооружиться терпением: видишь ли, за некоторые лекарства никогда нельзя поручиться. Я буду пробовать раза два-три. У тебя кожа крепкая? Отлично. Теперь подойди к свету. Так. Но прежде, чем мы начнем, ступай к морю и приготовь мне корабль с удовольствием, чтоб я мог переплыть море. Но чур! Никому ни слова! А когда я сделаю, что ты просишь, ты выпустишь меня и всех моих животных из тюрьмы. Поклянись мне короной Джолигинки!

Принц поклялся и пошел к морю приготовить корабль.

Когда он вернулся назад и сказал, что все готово, Доктор попросил Дэб-Дэб принести таз. В тазу Доктор разболтал какие-то лекарства и велел Бумпо погрузить туда лицо.

Принц окунулся в таз лицом до самых ушей. Он стоял таким образом очень долго, до того долго, что Доктор стал страшно беспокоиться, — переминался с ноги на ногу, пересматривал все пузырьки, откуда вылил лекарства и несколько раз перечитывал ярлычки на них. Тюрьма наполнилась сильным запахом как бы жженной бумаги.

Наконец Принц, тяжело дыша, поднял свое лицо из таза. И все животные вскрикнули от изумления. Лицо Принца стало белым, как снег, а глаза, прежде мутно-грязные, сделались серыми.

Джон Дулитль дал ему маленькое зеркальце, чтоб он посмотрелся. Принц зацел от радости и начал пля-

есть по тюрьме. Но Доктор попросил его не шуметь, поспешно захлопнул свою аптечку и велел ему открыть дверь тюрьмы.

Бумпо умолял оставить ему зеркальце, так как другого в Царстве Джолигинки не было, а ему хотелось бы посмотретья в него целый день. Но Доктор сказал, что оно ему самому нужно для бритья.

Тогда Принц достал из кармана связку медных ключей и открыл огромные двойные замки. Доктор и его животные во всю мочь побежали к морскому берегу.

А в это время Бумпо прислонился к стене пустой тюрьмы и счастливо улыбался им вслед, при чем его огромное лицо блестело при свете луны, как полированная кость.

Когда беглецы подошли к берегу, то оказалось, что Полинезия и Чи-Чи ждали их на камнях, около корабля.

— Мне жалко Бумпо,—сказал Доктор.—Я думаю, что мое лекарство недолго продержится. Очень возможно, что на утро он опять сделается чернокожим—вот почему я не хотел оставить ему зеркальца. Но, может быть, он останется белым, не знаю,—я раньше никогда не употреблял этой смеси. Сказать правду, я сам был удивлен, что она так подействовала. Но ведь должен я был сделать что-нибудь, не правда ли? Не мог же я выскрести пол королевской кухни до конца дней моих. Ведь там такая грязная кухня! Мне ее видно было из окна тюрьмы. Так! Так! Бедный Бумпо!

— Конечно, он узнает, что мы подшутили над ним,—сказал попугай.

— А зачем они нас посадили,—сказала Дэб-Дэб, сердито шевеля хвостом.—Они от нас зла не видали.

И поделом ему, если он опять почернеет! Пусть будет хоть чернее черного!

— Но он же тут не при чем,—сказал Доктор.— Ведь нас посадил в тюрьму Король, его отец. Бумпо в этом не виноват. Я уж думаю, не вернуться ли мне назад извиниться перед ним? Ну, да ладно! Я ему пошлю конфет, когда приеду в Грязеводск. И почему знать? Может быть, он все-таки останется белым.

— Спящей Красавице он никогда не понравится, даже и с белым лицом,—сказала Дэб-Дэб.—По-моему, он даже в своем прежнем виде был лучше. А все-таки он всегда, при всяком цвете, будет уродом.

— Но он добрый малый,—сказал Доктор,—правда, увлекающийся, но добрый. В конце концов «не по хорошу мил, а по милу хорош».

— Не могу поверить, чтобы такой болван мог найти Спящую Красавицу!—сказал пес Джип.—Вероятно, он поцеловал какую-нибудь толстую фермершу, которая после обеда вздремнула под яблоней. Не удивительно, что она испугалась. Хотел бы я знать, кого он поцелует теперь! Дурацкое дело!

Пушми-Пулюю, белая мышка, Гёб-Гёб, Дэб-Дэб, Джип и сова Ту-Ту сели на корабль вместе с Доктором. Чи-Чи, Полинезия и крокодил остались, так как в Африке, где они родились, они были у себя дома.

Доктор взошел на корабль, посмотрел вдаль на море и вдруг вспомнил, что некому им показывать дорогу в Грязеводск.

Широкое, широкое море при лунном свете казалось ужасно большим, и он подумал, как бы не потерять дорогу, когда земля скроется из виду.

Когда он это подумал, где-то во тьме точной, высоко в воздухе послышался странный шелест. Животные перестали прощаться и стали прислушиваться.

Шум делался все громче и слышнее. Он как будто приближался и напоминал не то, как осенний ветер шелестит листьями тополя, не то, как сильный, сильный дождь барабанит по крыше.

Джип, задрав нос и вытянув хвост, сказал:

— Птицы! Миллионы птиц быстро летят—вот оно что!

Все стали смотреть. Там, наверху, словно огромный рой маленьких мошек, летели тысячи тысяч птичек. Они как будто закрыли все небо, а все-таки с каждой

минутой их становилось все больше и больше. Их было до того много, что очень скоро они заслонили луну, так что она не могла светить, и море сделалось мрачным и черным, как бывает, когда грозовая туча закрывает солнце.

Вскоре птицы опустились вниз, скользя над водой и землей. Ночное небо очистилось, и луна стала светить попрежнему. Все же не было слышно ни звука

голосов, ни крика, ни песен, только шелест крыльев становился все громче. Тогда птицы стали собираться на отмели на снастях корабля, всюду, кроме деревьев. Доктор мог заметить, что у них синие крылья, белые грудки и очень короткие, покрытые перьями лапки. Как только они сели, всё опять замолкло,—не слышно было ни звука. Было тихо, тихо.

И в этом лунном безмолвии послышался голос Джона Дулитля:

— Я не думал, что мы так долго пробыли в Африке. Мы возвратимся домой чуть ли не к лету. Вот уже ласточки летят обратно. Ласточки, благодарю вас за то, что вы нас ждали. Это очень мило с вашей стороны. Теперь нам нечего бояться, что мы заблудимся на море... Поднимайте якорь и ставьте парус!

Когда корабль поплыл по морю, то Чи-Чи, Полинезия и Крокодил, оставшиеся на берегу, очень опечалились. Никто в жизни не был им ближе и дороже доктора Джона Дулитля из Грязеводака.

Они без конца кричали ему: «Счастливого пути!» и долго еще стояли на скале, горько плакали и махали ему на прощанье, пока корабль не скрылся из виду.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

КРАСНЫЕ ПАРУСА И СИНИЕ КРЫЛЬЯ

Обратно кораблю Доктора пришлось плыть мимо берега Берберии. К этому берегу примыкает Великая Пустыня—дикое безлюдное место, только песок и камни. Здесь жили Берберийские пираты.

Эти пираты—сброд дурных людей, поджидали, не потерпит ли кто крушения у их берегов. А частенько, когда они замечали плывущий корабль, то выезжали на своих быстроходных парусных судах в погоню за ним. Когда они догоняли его в море, то грабили все, что на нем было, брали людей в плен, а корабль топили; и после этого возвращались в Берберию, распевая песни, гордые своим злым делом. Пленников они заставляли писать домашним или друзьям, чтобы прислали денег на выкуп. И если друзья не присылали денег, то пираты бросали их в море.

В один прекрасный день Доктор и Дэб-Дэб гуляли для моциона по палубе. Дул попутный свежий ветерок, и все были в духе. Вдруг Дэб-Дэб увидела далеко, далеко позади них парус другого корабля. Парус был красный.

— Мне не нравится этот парус,—сказала Дэб-Дэб.—Я чувствую, что это вражеский корабль. Боюсь, что нас ждет беда.

Джип, неподалеку от них дремавший на солнце, стал рычать и разговаривать во сне.

— Я чую запах жареного мяса, — бормотал он: — биштекс с кровью, с густой темной подливкой.

— Вот чудеса! — воскликнул Доктор. — Что с Джипом? Он чует запах и разговаривает во сне!

— Что ж такое? — сказала Дэб-Дэб. — Все собаки могут чуеть во сне.

— А что же он чует? — спросил Доктор. — У нас на корабле мясо не жарится.

— Нет, — сказала Дэб-Дэб: — вероятно, мясо жарится на том корабле.

— Но ведь это за десять верст, — сказал Доктор, — он не может чуеть так далеко.

— Может, — сказала Дэб-Дэб. — Спросите у него.

Тогда Джип, все еще со сна, стал рычать, сердито оскалив блестящие белые зубы.

— Я чую недобрых людей, — ворчал он: — самых злых, каких когда-либо чуял. Я чую несчастье. Я чую нападение: шесть негодяев нападают на одного храбреца. Я хочу ему помочь. Г... г... Гау! Гау!

Он громко залаял и проснулся в большом удивлении.

— Посмотрите! — воскликнула Дэб-Дэб. — Судно все приближается. Можно сосчитать три паруса — все красные. Ясно, что за нами гонятся. Интересно, кто это.

— Это злые люди, — сказал Джип, — и корабль их быстро мчится. Наверно это — Берберийские пираты.

— Что ж, мы можем поставить больше парусов, — сказал Доктор. — Тогда мы поплывем быстрее и скроемся от них. Беги вниз, Джип, и принеси мне все паруса, какие там есть.

Джип побежал вниз и притащил все паруса, какие нашлись.

Но даже и на всех парусах корабль не плыл с такой скоростью, как судно пиратов; оно подходило сзади все ближе и ближе.

— Плохой корабль дал нам Принц,—сказал поросенок Гёб-Гёб,—самый медленный, какой можно придумать.

— Уйти от них в этой старой шлюпке так же трудно, как устроить гонки в супнике. Посмотрите, как они сейчас близко! Вы можете разглядеть усы на их лицах—их шестеро. Что мы будем делать?

Тогда Доктор послал Дёб-Дёб к ласточкам сказать, что пираты гонятся за ними на своем быстром судне, и спросить у них совета, что делать.

Когда ласточки услышали об этом, то все опустились на корабль Доктора. Они велели ему отрезать несколько кусков веревки и расщипать ее на тонкие волокна, как можно скорее. Концы этих волокон привязали к носу корабля. Ласточки зацепились за волокна ножками, полетели и потащили за собой корабль.

И хотя ласточки по одиночке были не очень сильны, совсем другое получилось, когда их было много. Тысячи веревочек были привязаны к кораблю Доктора. И по две тысячи ласточек потащили корабль за каждую веревочку, а они ведь очень быстро летают.

В ту же минуту корабль Доктора помчался с такой быстротою, что ему пришлось держать свою шляпу обеими руками. Ему казалось, что корабль сам летит по пенящимся морским волнам.

И все животные на корабле стали смеяться и прыгать от радости. Когда они оглядывались назад, на пиратское судно, то видели, что оно делается все меньше и меньше; а красные паруса остаются далеко, далеко позади.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

КРЫСЫ ПРЕДОСТЕРЕГАЮТ

Тащить корабль по морю—дело трудное. Через два-три часа ласточки стали с трудом взмахивать крыльями и тяжело дышать. Они послали к Доктору гонца сказать, что им надо отдохнуть. Они дотащут корабль до ближнего острова и спрячут его в глубокой бухте, а сами наберутся сил, чтобы продолжать путь.

Вскоре Доктор увидел остров, о котором они говорили. Посредине его находилась красивая, высокая зеленая гора.

Когда корабль благополучно вошел в бухту, где его не видно было со стороны моря, Доктор сказал, что пойдет на остров за водою—весь запас воды на корабле кончился. Он велел всем животным также сойти, чтобы порезвиться на траве и поразмять ноги.

Когда они сходили, Доктор заметил, что из трюма по лестнице поднимались крысы и покидали корабль. Джин стал бегать за ними, потому что любил охотиться за крысами. Но Доктор запретил ему это делать.

Одна большая черная крыса, повидимому, хотела что-то сказать Доктору и медленно ползла к перилам,

поглядывая на собаку уголком глаза. Нервно откашлявшись два-три раза, почистив свои усики и обтерев рот, она сказала:

— Гм, гм, вы, вероятно, знаете, Доктор, что на всех кораблях бывают крысы?

— Знаю,—сказал Доктор.

— А вы слышали, что крысы уходят с корабля, когда он тонет?

— Да,—сказал Доктор,—доводилось.

— Люди,—сказала крыса,—всегда говорят об этом с насмешкой, словно это позорно. Но вы нас не осудите, не правда ли? Ведь кто же захочет остаться на тонущем корабле, если может сойти?

— Естественно,—сказал Доктор,—совершенно естественно. Я вполне вас понимаю. А не имеете ли вы—не имеете ли вы еще что-нибудь мне сказать?

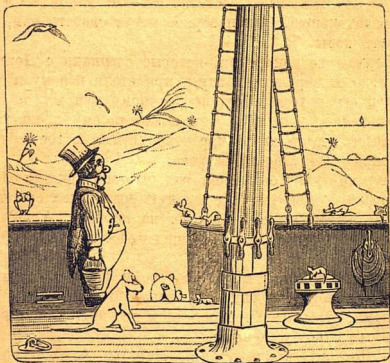
— Да,—ответила крыса.—Я пришла сказать вам, что мы уходим с этого корабля. Но мы хотели предупредить и вас прежде, чем уйдем. Это—плохой корабль, ненадежный. У него остов расшатался, и доски прогнили. Завтра к ночи он пойдет ко дну.

— Почему вы это знаете?—спросил Доктор.

— Мы всегда знаем,—ответила крыса.—У нас в кончиках хвостов бегают мурашки, как у вас, когда вы отсидите ногу. Сегодня в шесть часов утра, во время завтрака у меня заныл хвостик. Сначала я подумала, что это приступ ревматизма. Я пошла к своей тетке и спросила, как она себя чувствует. Вы помните ее? Такая длинная, костлявая пегая крыса; она лечилась у вас в Грязеводске прошлой весной от желтухи. Ну, так вот она сказала, что и у нее хвост ноет. Теперь мы знаем наверное, что не пройдет и двух дней, как этот корабль потонет; и мы все решили покинуть его, как только подойдем к земле. Это—плохой корабль,

Доктор. Больше не плавайте на нем, а то утонете. Прощайте! Мы отправимся искать себе удобного местечка на этом острове.

— Прощайте!—сказал Доктор.—Очень благодарен вам за то, что вы меня предупредили. Это очень лю-

безно с вашей стороны, очень. Кланяйтесь от меня вашей тетушке. Я отлично ее помню... Пусти эту крысу, Джим! Поди сюда! Ложись!

Доктор и все его животные сошли с корабля и взяли с собой ведра и кастрюльки, чтобы набрать на острове воды, пока ласточки будут отдыхать.

— Мне хотелось бы знать, как называется этот остров,—сказал Доктор, взобравшись на гору.—Здесь красивое местечко! И какое множество птиц!

— Это Канарские острова,—сказала Дэб-Дэб.— Разве вы не слышите, как поют канарейки?

Доктор остановился и стал слушать.

— Кое-что слышу,—сказал он.—Но какой же я несобразительный! Они наверное могут сказать нам, где достать воды.

Сейчас же канарейки, которые слышали о Докторе Дулитле от перелетных птиц, прилетели к нему и проводили его к холодному, прозрачному ручью, где они, обыкновенно, купались. Они показали ему прелестные лужайки, где росло канареечное семя, и все другие достопримечательности острова.

Пушми-пулю был очень рад, что они пришли сюда; он гораздо больше любил зеленую траву, чем сушеные яблоки, которыми его кормили на корабле. А Гэб-Гэб визжал от восторга, когда нашел целое поле сахарного тростника.

Немного погодя, когда все вволю наелись и напились и лежали на спине, а канарейки пели над их головами, стремительно прилетели две ласточки, взволнованные и возбужденные.

— Доктор!—кричали они.—Пираты уже в бухте и все вошли на ваш корабль. Они спустились в трюм и забирают ваши вещи. На их корабле никого не осталось. Если вы поспешите к берегу, то можете сесть на их корабль—он быстроходный,—и тогда спасетесь. Но надо торопиться.

— Прекрасная мысль!—сказал Доктор.—Великолепная!

Он созвал всех животных, попрощался с канарейками и побежал к морю.

В бухте стоял корабль пиратов с тремя красными парусами; и, как и говорили ласточки, на нем никого не было. Все пираты пошли грабить корабль Доктора.

Джон Дулитль велел своим животным ступать как можно тише, и они бесшумно вошли на разбойничий корабль.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

БЕРБЕРИЙСКИЙ ДРАКОН

Все было бы хорошо, еслибы поросенок не схватил насморка, когда ел на острове сырой сахарный тростник. Вот что случилось.

После того, как они бесшумно подняли якорь и тихонько-тихонько выходили из бухты, Гёб-Гёб вдруг чихнул так громко, что пираты, бывшие на другом корабле, бросились наверх посмотреть, что это за шум.

Когда они увидели, что Доктор от них ускользает, то направили свой корабль наперерез, к входу в бухту, так что Доктор не мог выйти в открытое море.

Тогда предводитель шайки (по имени Бен-Али, а по прозвищу Дракон) погрозил Доктору кулаком и закричал через воду:

— Ха! Ха! Попался, приятель! Хочешь убежать на моем корабле? А? Ты недостаточно искусный моряк, чтобы провести Бен-Али, Берберийского Дракона! Мне нужна твоя утка, а также и поросенок. Сегодня к ужину у нас будут свиные котлеты и жареная утка. А прежде, чем я отпущу тебя домой, ты должен заставить своих друзей прислать мне мешок золота.

Бедный Гёб-Гёб заплакал, а Дёб-Дёб приготовилась лететь, чтобы спасти свою жизнь. Но сова Ту-Ту шепнула Доктору:

— Заставьте его говорить подольше, Доктор. Будьте с ним любезны. Наш прежний корабль должен скоро затонуть. Крысы сказали, что он пойдет ко дну до завтрашнего вечера, а крысы никогда не ошибаются. Будьте с ним любезны, пока корабль под ним не потонет. Поддерживайте с ним разговор!

— Говорить до завтрашнего вечера!—сказал Доктор.—Ну, да ладно! Сделаю, что могу... Постой! О чем же мне с ним разговаривать?

— Пусть они под'едут,—сказал Джип.—Мы можем побороть этих бездельников! Их только шестеро. Пусть приблизятся. Мне бы хотелось рассказать своей соседке-овчарке, когда мы вернемся домой, что я победил настоящего пирата. Пусть только подойдут! Мы им покажем!

— Но у них есть ружья и мечи,—сказал Доктор.—Нет, это не годится. Придется с ним разговаривать... Послушай, Бен-Али!

Но не успел Доктор произнести следующего слова, как пираты подплыли совсем близко, смеясь от радости и уговариваясь между собою, кто первый будет ловить поросенка.

Бедный Гёб-Гёб испугался до смерти; а Пушми-пулью начал оттачивать свои рога о мачту корабля, приготавливаясь к битве. Джип в это время высоко подпрыгивал, отчаянно лаял и ругал Бен-Али на своем собачьем языке.

Но вдруг что-то стряслось с пиратами—они перестали смеяться и отпускать шутки. Их что-то тревожило и смущало.

Бен-Али посмотрел с изумлением вниз, под ноги, и закричал во весь голос:

— Гром и молния! Ребята, в корабле—течь!

Другие пираты перегнулись через борт и увидели, что корабль все больше и больше погружается в воду. Один из них сказал Бен-Али:

— Если б этот старый корабль действительно тонул, то мы видели бы, как с него уходят крысы.

А Джип рывкнул с другого корабля:

— Эй, вы, жулики! Крыс там больше нет! Они ушли два часа тому назад. Ха! Ха! Теперь мы посмеемся над вами, дорогие друзья!

Но, разумеется, пираты его не поняли.

Вскоре нос корабля стал опускаться все ниже и ниже, быстрее и быстрее, и корабль как будто бы стоял на голове. Пираты, чтобы не скатиться в воду, цеплялись за борта, за мачты, за снасти, за все, что попадалось под руки. Вода с шумом заливала во все окна и двери. Наконец корабль с зловещим бульканьем пошел ко дну, и скоро все шесть разбойников барахтались на поверхности глубокой бухты.

Некоторые из них старались доплыть до берега, а другие пытались влезть на корабль, где был Доктор. Но Джип каждого хватал зубами за нос, так что они боялись взбираться на борт.

Вдруг они в испуге закричали:

— Акулы! Акулы плывут! Пустите нас на корабль, а то они нас с'едят! Помогите! Помогите! Акулы! Акулы!

Доктор увидел в бухте спины больших рыб, быстро рассекавших воду.

Одна большая акула подплыла к кораблю и, высунув нос из воды, спросила Доктора:

— Вы — Джон Дулитль, знаменитый звериный Доктор?

— Да, — сказал Доктор. — Это я.

— Хорошо,—сказала акула.—Мы знаем эту шайку разбойников, в особенности Бен-Али. Если они вам досаждают, мы ради вас охотно их с’едим, и они больше никогда не будут вас беспокоить.

— Благодарю вас,—сказал Доктор.—Это очень любезно с вашей стороны. Но я думаю, нет надобности их кушать. Не давайте им приближаться к берегу, пока я вам не скажу, заставьте их поплавать, поняли? И еще, пожалуйста, заставьте Бен-Али подплыть к кораблю, я хочу с ним поговорить.

Акула поплыла и подогнала Бен-Али к Доктору.

— Послушай, Бен-Али!—сказал Доктор, перевесившись через борт.—Ты был злой человек и, как мне известно, убил много народу. Эти добрые акулы только что предлагали с’есть тебя ради меня, и это было бы очень хорошо; это избавило бы море от пиратов. Если ты мне обещаешь сделать то, что я скажу, то я отпущу тебя с миром.

— А что я должен делать?—спросил пират, поглядывая искоса на большую акулу, которая обнюхивала под водой его ногу.

— Больше не убивать людей,—сказал Доктор.—Ты перестанешь грабить; никогда не будешь топить кораблей; навсегда перестанешь быть пиратом.

— Но как же мне быть?—спросил Бен-Али.—Чем же мне жить?

— Ты со своей командой отправишься на этот остров, и вы сделаетесь земледельцами,—отвечал Доктор.—Вы будете разводить канареечное семя для канареек.

Берберийский Дракон побледнел от ярости.

— Разводить *канареечное семя!*—воскликнул он с отвращением.—Разве я не могу быть моряком?

— Нет,—сказал Доктор.—Не можешь. Ты долго был моряком и много хороших кораблей и много добрых

людей отправил на дно моря. Остаток жизни ты проведешь, как мирный земледелец. Акула ждет. Не задерживай ее. Решайся!

— Гром и молния!—пробормотал Бен-Али.—Канаречное семя!

Потом он опять посмотрел в воду, где акула обнюхивала его другую ногу.

— Хорошо!—сказал он мрачно.—Мы станем земледельцами!

— И помни,—сказал Доктор,—если ты не сдержишь обещания, если опять начнешь убивать или грабить, то я узнаю об этом от канареек. И, поверь, найду способ тебя наказать. Хотя я и не умею управлять кораблем так, как ты, но пока звери, птицы и рыбы—мои друзья, мне нечего бояться начальника пиратов, даже если его зовут «Берберийским Драконом». Теперь ступай и будь хорошим земледельцем. Счастливо оставаться!

Доктор повернулся к большой акуле и, махнув рукой, сказал:

— Ладно. Пусти его теперь доплыть до берега.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ТУ-ТУ ПОДСЛУШИВАЕТ

Поблагодарив еще раз акул за их любезность, Доктор и его любимцы поплыли домой на быстром корабле с тремя красными парусами.

Когда они вышли в открытое море, животные спустились вниз посмотреть, что находится внутри их нового корабля. А в это время Доктор с трубкой в зубах, стоя на корме корабля, следил, как Канарские Острова тонули в голубом сумраке вечера.

Пока он стоял, раздумывая, что теперь делается у обезьян, и в каком виде он застанет свой сад, когда вернется в Грязеводск, Дэб-Дэб поднялась наверх веселая и с кучей новостей:

— Доктор!—воскликнула она.—Этот разбойничий корабль просто великолепен! Постели внизу из розового шелка с сотнями пуховых подушек; полы покрыты толстыми мягкими коврами; блюда серебряные, много разных кушаний и напитков,—все очень вкусное, кладовая будто большая лавка, и так все остальное! Ничего подобного вы в жизни не видали! Только подумайте!—у этих людей было пять сортов сардинок! Подите посмотрите. Мы нашли внизу маленькую комнату с запертой дверью. И нам безумно хочется войти и взглянуть,

что там такое. Джип говорит, что в ней пираты прятали свои сокровища. Но мы не можем открыть дверь. Спуститесь и посмотрите, не можете ли вы ее отпереть.

Доктор спустился вниз и увидал, что корабль в самом деле великолепен. Все животные столпились у маленькой двери; они говорили все сразу, стараясь угадать, что там находится. Доктор повернул ручку, но дверь не открылась. Тогда все стали искать ключ. Искали под циновкой, под всеми коврами, во всех буфетах, шкафах и ящиках, в больших сундуках, стоявших в столовой; искали везде.

Во время этих поисков набрали на множество новых прекрасных вещей, которые пираты, вероятно, награбили на других кораблях. Там были кашемировые шали, тонкие, как паутина, вышитые золотыми цветами; кувшины с прекрасным ямайским табаком; разные ящики из слоновой кости с русским чаем; старая скрипка с оборванной струной и картинкой на деке; коллекция шахматных фигур, вырезанных из коралла и янтаря; тросточка с кинжалом внутри; полдюжины рюмок с бирюзой и серебром по краям и красивая большая перламутровая сахарница. Но нигде, на всем корабле не могли они найти ключа от этого замка.

Они опять вернулись к двери, и Джип стал смотреть в замочную скважину. Но что-то стояло у стены с внутренней стороны, так что он не мог ничего разглядеть.

Пока они так стояли, раздумывая, что делать, сова Ту-Ту вдруг воскликнула:

— Тс! Послушайте! Мне кажется, там кто-то есть!

Они замолкли на минуту. Потом Доктор сказал:

— Ты, должно быть, ошиблась, Ту-Ту. Я ничего не слышу.

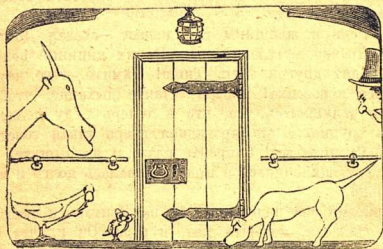
— А я слышу,—сказала сова.—Тс! Вот опять, слышите?

— Нет,—сказал Доктор.—А ты что слышишь?

— Я слышу, что кто-то кладет руку в карман,— сказала сова.

— Но это же не дает звука,—сказал Доктор.—Ты не могла этого слышать.

— Простите, пожалуйста, я слышала,—сказала Ту-Ту.—Говорю вам, что с той стороны двери есть кто-то, и он положил руку в карман. Почти все дает

звук, и если у вас тонкий слух, то вы услышите. Летучие мыши слышат, как крот ходит по своей норе под землею—они считают, что у них хороший слух. А мы, совы, можем сказать вам, слушая лишь одним ухом, какого цвета котенок, по тому только, как он моргает глазами в темноте.

— Вот как!—сказал Доктор.—Ты меня поражаешь. Это очень интересно. Послушай еще и скажи, что там теперь делается.

— Я не уверена, мужчина ли это, — сказала Ту-Ту. — Может быть, это и женщина. Поднимите меня и дайте мне послушать около замочной скважины. Я тогда вам скажу.

Доктор поднял сову, придерживая ее около замочной скважины.

Через минуту Ту-Ту сказала:

— Теперь он трет свое лицо левой рукой. Это маленькая рука и маленькое лицо. Это может быть женщина. Нет. Теперь он отбросил со лба свои волосы. Значит, мужчина.

— Ведь и женщины так делают, — сказал Доктор.

— Правда, — сказала сова. — Но их длинные волосы производят другой звук. Тише! Уймите этого неугомонного поросенка! Теперь затаите дыхание, чтоб я лучше вслушалась. То, что я теперь буду делать — очень трудно, а эта противная дверь такая толстая! Тс! Замолчите все! Закройте глаза и не дышите!

Ту-Ту наклонилась и прислушивалась долго и внимательно.

Наконец она подняла глаза на Доктора и сказала:

— Человек, который там, в горе. Он плачет. Он старается не всхлипывать, чтобы мы не услышали, как он плачет. Но я слышу — совсем ясно — звук слезы, падающей на его рукав.

— Как же ты узнала, что это не капля воды, упавшая с потолка? — спросил Гёб-Гёб.

— Фу! Какой невежда! — фыркнула Ту-Ту. — Капля воды, падающая с потолка, производит в десять раз больше шума.

— Хорошо, — сказал Доктор. Если бедняга в горе, мы войдем туда и посмотрим, что с ним. Дай мне топор, я разрублю дверь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

МОРСКИЕ СПЛЕТНИКИ

Тотчас же отыскивали топор, и Доктор прорубил в двери дыру, достаточную, чтобы в нее пролезть.

Сначала ничего нельзя было разглядеть, потому что внутри было темно. Тогда он зажег спичку.

Комната была совсем маленькая, низкая, без окон. Из мебели в ней не было ничего, кроме маленького стула. По стенам стояли огромные бочки, прикрепленные снизу, так что они не могли свалиться при качке корабля; а над бочками висели на деревянных крюках оловянные кружки разных размеров.

Крепкий винный запах наполнял комнату. А на полу сидел маленький мальчик, лет восьми, и горько плакал.

— По-моему, это винный погребок пиратов,—прошептал Джип.

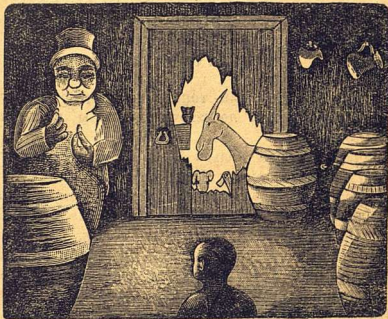
— Да, очень винный,—сказал Гёб-Гёб.—У меня от запаха закружилась голова.

Мальчик как будто в первую минуту испугался, когда перед ним очутился человек; а в отверстие разбитой двери столько животных смотрели на него во все глаза. Но как только при свете спички он разглядел

лицо Джона Дулитля, он перестал плакать и поднялся с пола.

— Ведь вы не пираты, правда?—спросил он.

А когда Доктор откинул голову и громко расхохотался, мальчик тоже улыбнулся, подошел и протянул руку.

— Вы смеетесь, как друг, а не как разбойник,—сказал он.—Не можете ли вы мне сказать, где мой дядя?

— Едва ли могу,—сказал Доктор.—А когда ты видел его в последний раз?

— Третьего дня,—сказал мальчик.—Мы с дядей ловили рыбу в нашей лодке. Пришли пираты и взяли нас. Они потопили нашу лодку, а нас привели на

этот корабль. Они сказали дяде, что сделают из него такого же пирата, как они сами, потому что он может управлять кораблем во всякую погоду. Он сказал, что не хочет быть пиратом, потому что хороший моряк не станет убивать людей и грабить. Тогда начальник очень рассердился, заскрежетал зубами и сказал, что они бросят дядю в море, если он не будет исполнять их приказаний. Они послали меня вниз; и я слышал, как они наверху дрались. И когда на другой день они позвали меня наверх, дяди нигде не было. Я спрашивал у пиратов, где он, а они не говорили. Я боюсь, что они бросили его в море и утопили.

И мальчик снова заплакал.

— Ну подожди немножко, — сказал Доктор. — Не плачь. Пойдем пить чай в столовую, мы еще об этом поговорим. Может быть, твой дядя цел и невредим. Ты ведь не знаешь *наверно*, что его утопили, не правда ли? А это уже кое что. Может быть, мы его еще разыщем. Сначала пойдем и напьемся чаю с клубничным вареньем, а потом посмотрим, что делать.

Животные окружили их и слушали с большим любопытством. Когда они спустились в столовую и сели пить чай, Дэб-Дэб подошла к стулу Доктора и шепнула:

— Спроси у дельфинов, утопили ли пираты дядю этого мальчика—они наверное знают.

— Совершенно верно, — сказал Доктор, намазывая второй кусок хлеба вареньем.

— Что вы так смешно щелкаете языком?—спросил мальчик.

— Это я сказал два слова на утином языке,—ответил Доктор,—одной из моих любимиц, Дэб-Дэб.

— Я не знал, что утки умеют говорить,—сказал мальчик.—А другие звери, ваши любимцы, тоже го-

верят? А это что за дикий зверь о двух головах?

— Тише!—шепнул Доктор.—Это пушми-пулю. Не показывай виду, что мы о нем говорим—он ужасно робкий. Скажи, как тебя заперли в этой комнатке?

— Пираты заперли меня, когда пошли грабить другой корабль. Я услышал, что ломают дверь, и не знал кто. Я очень рад, что это вы. Не можете ли вы найти моего дядю?

— Попробуем, приложим все силы, — сказал Доктор.—А какой он из себя, твой дядя?

— Рыжий,—ответил мальчик:—ярко рыжий, а на одной руке у него татуированный якорь. Мой дядя сильный, добрый и лучший моряк в Атлантическом Океане. Его рыболовное судно называется «Смельчак». Это—очень хороший катер.

— Что такое «кат»?—шопотом спросил Гёб-Гёб, обращившись к Джипу.

— Те! Это такой был корабль у этого человека,—сказал Джип.—Сиди и молчи! понял?

— Только-то!—сказал поросенок.—А я думал, что это пьют!

Доктор оставил мальчика в столовой играть с животными, а сам поднялся наверх сторожить, не проплывут ли дельфины.

Вскоре показалась целая стая дельфинов, направлявшихся в Бразилию; они прыгали и плясали по волнам.

Когда они увидели Доктора, который стоял, прислонившись к борту корабля, то подплыли, чтобы узнать, как он поживает.

Доктор спросил у них, не видели ли они где-нибудь рыжего человека с татуированным якорем на руке.

— Вы спрашиваете о хозяине «Смелчака»?—спросили дельфины.

— Да,—сказал Доктор.—О нем самом. Вы не знаете, он не утонул?

— Его рыболовное судно затонуло,—сказали дельфины—мы видели, что оно лежит на дне моря. Но в нем никого нет; мы ныряли и смотрели.

— Его племянничек у меня на корабле,—сказал Доктор.—И он очень боится, что пираты бросили его дядю в море. Не будете ли вы так добры узнать в точности, утонул он или нет?

— Нет, он не утонул; мы, конечно, об этом слышали бы от десятиногих раков, живущих на большой глубине. Мы знаем все морские новости. Моллюски называют нас за это «морскими сплетниками». Передайте мальчику наше сожаление о том, что нам неизвестно, где его дядя. Но мы совершенно уверены, что его нет среди утопленников.

Доктор побежал вниз сообщить новости мальчику, который от радости захлопал в ладоши. Пушми-пулюю посадил мальчика к себе на спину и прокатил вокруг обеденного стола; а все другие животные шли за ними и били ложками по крышкам от кастрюль, изображая оркестр.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Н Ю Х

Наш дядя должен отыскаться,—сказал Доктор.— Это уже не так трудно, когда мы знаем, что его не бросили в море.

Дэб-Дэб подошла к Доктору и шепнула:

— Попроси орлов поискать, где он. Нет на свете такого зоркого существа, как орел. Когда орлы парят в воздухе на страшной высоте, то могут сосчитать муравьев, ползающих по земле. Спроси-ка у орлов!

Доктор послал за орлами ласточку. Через час ласточка вернулась с орлами шести различных пород. Тут были: Черный Орел, Лысый Орел, Орел-Рыболов, Золотой Орел, Орел-Стервятник и Орлан. Каждый из них был вдвое больше мальчика. Они уселись на борт корабля рядом, как солдаты в строю—серьезные, безмолвные и угрюмые; их большие блестящие черные глаза метали молнии по всем направлениям.

Гёб-Гёб испугался и спрятался за бочку. Ему казалось, что эти ужасные глаза заглядывают к нему в самое нутро, словно ищут, что он украл себе на завтрак.

Доктор сказал орлам:

— Пропал один человек—рыжий рыбак с татуированным якорем на руке. Не будете ли вы так добры найти нам его. Этот мальчик—его племянник.

Орлы не любят много разговаривать. Все хором они ответили хриплыми голосами:

— Будьте уверены, что мы все сделаем для Джона Дулитля.

Они улетели, а Гёб-Гёб вылез из-за бочки, чтобы посмотреть, как они летят. Они поднимались все выше и выше, и когда Доктор едва мог их видеть, они разделились на партии и рассеялись по разным направлениям—на Север, Юг, Восток и Запад. С корабля казалось, что это черные песчинки, передвигающиеся по необъятному синему небу.

— Ай-ай-ай!—сказал Гёб-Гёб, чуть слышно.—Какая высота! И как они не спалят своих перьев—так близко к солнцу?

Долго их не было. А когда они вернулись, уже совсем стемнело.

Орлы сказали Доктору:

— Мы искали во всех морях, во всех странах, на всех островах, во всех городах и деревнях в этом полушарии, но напрасно. На главной улице города Гибралтара мы видели три рыжих волоса в тачке, перед дверью булочной. Но это были не человеческие волосы—это были волоски от меховой шубы. Нигде, ни на земле, ни на воде, мы не нашли следов дяди этого мальчика. А если мы его не видели, значит и нельзя его увидеть... Уж для Джона Дулитля мы-то старались!

И шесть огромных птиц расправили свои большие крылья и полетели по своим домам в горах и скалах.

— Ну,—сказала Дёб-Дёб, когда они улетели,—что же нам теперь делать? Дядю мальчика нужно найти, об этом не может быть двух мнений. Мальчик еще

слишком мал, чтобы пробиваться самому в жизни. Дети не то, что утята—о них надо заботиться, пока они не вырастут... Жаль, нет Чи-Чи! Она бы его скоро нашла. Милая старушка Чи-Чи! Хотела бы я знать, что с ней!

— Если бы с нами был Полинезия,—сказала белая мышка,—он уж придумал бы, как его найти. Помните, как он вывел нас из тюрьмы—во второй раз? Вот уж умница!

— Я не очень высокого мнения об орлах,—сказал Джип.—Они зазнаются. У них зоркие глаза и все такое; но когда вы попросите их найти человека, они этого не могут сделать, и у них еще хватает нахальства вернуться и сказать, что никто другой этого не сделает. Они много о себе воображают, все равно, как овчарка в Грязеводске. Я тоже не люблю этих старых сплетников—дельфинов. Они могли только сказать, что его нет в море, а нам вовсе не нужно знать, где его нет, мы хотим знать, где он есть.

— Не болтай так много,—сказал Гёб-Гёб,—болтать легко; но не так легко найти человека, когда всех посылают в погоню за ним. Может быть, рыбак поседел от беспокойства за мальчика, и потому орлы не могли его найти. Ты всего не знаешь. Ты умеешь только болтать и ничего не делаешь, чтоб помочь. Ты тоже, как и орлы, не можешь узнать, где дядя мальчика.

— Я то не могу?—сказал пес.—Что ты понимаешь, глупый кусок топленого сала! Я еще не начинал—то-то! Вот погоди, я тебе покажу!

Джип пошел к Доктору и сказал:

— Спросите, пожалуйста, у мальчика, нет ли у него в карманах какой-нибудь дядиной вещицы?

Доктор спросил. Мальчик показал ему золотое кольцо, которое носил на шнурке на шее, потому что оно было слишком велико для его пальца. Он сказал, что дядя дал ему кольцо, когда к ним приближались пираты.

Джип понюхал кольцо и сказал:

— Это не годится. Спроси у него, нет ли у него какой-нибудь другой дядиной вещи.

Тогда мальчик вынул из кармана большой красный носовой платок и сказал:

— Это дядин.

Как только мальчик вытащил его, Джип воскликнул:

— Нюхательный табак! Ах, чорт! Высший сорт! Разве вы не слышите? Его дядя нюхал табак! Спросите у него, Доктор!

Доктор опять спросил у мальчика, и мальчик ответил:

— Да, дядя нюхал табак.

— Ладно!—сказал Джип.—Вот мы почти и нашли его! Это будет так же легко сделать, как стащить молоко у котенка. Скажите мальчику, что я найду его дядю в недельный срок. Пойдем наверх и посмотрим, откуда дует ветер.

— Сейчас темно,—сказал Доктор.—Ты не найдешь его в темноте.

— Мне не нужно света, чтобы найти человека, который нюхал табак,—сказал Джип, поднимаясь по лестнице.—Если бы у этого человека был запах, как у веревки или как у горячей воды, это другое дело. Но нюхательный табак! Тяв! Тяв!

— Разве горячая вода имеет запах?—спросил Доктор.

— Конечно,—сказал Джип.—У горячей воды совсем другой запах, чем у холодной. Теплая вода или

лед—вот это очень тонкий запах. Однажды я выследил человека за десять верст темной ночью по запаху горячей воды, с которой он побрился,—у него, бедняги, не было мыла. А теперь посмотрим, откуда ветер дует. Ветер много значит, когда нужно нюхать далеко. Он не должен быть чересчур сильным и уж, конечно, должен дуть, откуда следует. Мягкий, влажный, ровный ветерок—самый лучший... Ага! Ветер с Севера!

Джип пошел на нос корабля и стал нюхать воздух. Он качал головой и бормотал про себя:

— Деготь; испанский лук; керосин; мокрый плащ; лавровый лист; жженая резина; стирают кружевные занавески—нет, я ошибся—их вешают, чтобы просушить, лисицы—тысячи лисиц, лисьи детеныши и...

— В самом деле ты чуешь все эти запахи в одном ветре?—спросил Доктор.

— Конечно,—сказал Джип.—И это только несколько самых простых запахов—самых сильных. Всякая дворняжка с насморком, и та их услышит. Теперь подождите—я назову вам несколько особенных запахов, которые принес этот ветер—несколько тонких запахов.

Джип зажмурил глаза, вытянул нос по ветру и сильно вдохнул воздух полуоткрытым ртом.

Долго он ничего не говорил и стоял, как вкопанный. Казалось, он не дышал.

Наконец, он заговорил так, как будто пел что-то печальное во сне.

— Кирпичи,—шептал он еле слышно,—старые красные кирпичи, развалившиеся от времени, в садовом заборе; приятное дыхание молодых коров, которые пришли напиться к горному ручью; железная крыша голубятни,—а, может быть, амбара, освещенная полуденным солнцем; черные замшевые перчатки лежат в ящике орехового комода; пыльная дорога с лошади-

ным корытом для водопоя под деревьями; мелкие грибы выглядывают из-под гнилых листьев; и-и-и...

— Может быть, пастернак?—спросил Гёб-Гёб.

— Нет,—сказал Джип.—Ты всегда думаешь о еде. Ничего подобного. И нюхательного табаку не слышно—есть трубки, папиросы, немного сигар; но нюхательного табаку нет. Подождем, пока ветер подует с Юга.

— Ну, конечно, ветер виноват,—сказал Гёб-Гёб.—Ты просто шарлатан, Джип. Слыханное ли дело найти человека посреди океана только по запаху. Я говорил, что ты этого не сделаешь.

— А ну-ка!—сказал Джип, начиная сердиться.—Вот я тебе сейчас нос откушу! Ты думаешь, если Доктор не позволил нам проучить тебя, как следует, то ты можешь себе все позволять!

— Не ссорьтесь!—сказал Доктор.—Довольно! Жизнь слишком коротка. Скажи мне, Джип, как по-твоему—откуда эти запахи?

— Большая часть из Девоншира и из Уэльса,—сказал Джип.—Ветер дует оттуда.

— Ну!—сказал Доктор.—Это просто удивительно! Мне надо записать это для моей новой книги. Вот если бы мне такой нюх, как у тебя! Впрочем—нет—лучше мне быть таким, как я есть. «От добра добра не ищут»,—как говорится. Пойдемте вниз ужинать. Я очень проголодался.

— И я тоже,—сказал Гёб-Гёб.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

'СКАЛА

На другой день, рано утром встали они со своих шелковых постелей. Солнце ярко светило, и ветер дул с Юга.

Джип нюхал южный ветер с полчасца. Потом он пошел к Доктору, качая головой.

— А нюхательным табаком все еще не пахнет,— сказал он.— Подождем, пока ветер подует с Востока.

Но когда в три часа пополудни стал дуть ветер с Востока, Джип не нашел и в нем запаха нюхательного табаку.

Мальчик был очень огорчен и начал опять плакать. Он говорил, что никто не сможет найти его дядю. Но Джип сказал Доктору:

— Передайте ему, что когда ветер изменит направление с Запада, то я найду его дядю, будь он даже в Китае, если только он еще продолжает нюхать свой табак.

Три дня они ждали Западного ветра. Он начал дуть в пятницу на рассвете. Легкий, как облако, сырой туман лежал над морем. Ветер был мягкий, теплый и влажный.

Как только Джип проснулся, то побежал наверх и потянул носом воздух. Он очень взволновался и бегом бросился вниз будить Доктора.

— Доктор!—закричал он.—Я нашел его! Доктор! Доктор, проснитесь! Слушайте! Я нашел его! Ветер с Запада; и пахнет только нюхательным табаком. Идите наверх и скорее поворачивайте корабль.

Доктор кубарем слетел с постели и пошел к рулю, чтобы направить корабль.

— Теперь я пойду на нос корабля,—сказал Джип,— а вы следите по моему носу, куда я его поверну, туда вы и поворачивайте корабль. Этот человек недалеко. Запах очень сильный. А ветер приятный и сырой. Теперь следите за мной.

Все утро Джип стоял на носу корабля, нюхал воздух и указывал, куда Доктору направлять корабль; а все животные и мальчик стояли около них с широко открытыми от удивления глазами и наблюдали за собакой.

Около полудня Джип послал Дэб-Дэб сказать Доктору, что он очень встревожен и хочет с ним погово-

рить. Дэб-Дэб привела Доктора с другого конца корабля. Джип ему сказал:

— Дядя мальчика умирает с голода. Нам надо плыть, как можно скорее.

— Почему ты знаешь, что он умирает с голоду?— спросил Доктор.

— Потому что никаких других запахов не слышно с Запада, кроме запаха нюхательного табаку,— сказал Джип.— Если бы дядя стряпал или что-нибудь ел, то я бы непременно почуял запах пищи. Но у него нет даже свежей воды для питья. Он только и делает, что нюхает табак большими щепотками. Мы к нему приближаемся, потому что запах делается с каждой минутой сильнее. Плывите, как можно скорее; я уверен, что он умирает с голоду.

— Хорошо,— сказал Доктор и послал Дэб-Дэб просить ласточек, чтобы они потащили корабль, как во время погони пиратов.

Энергичные птички явились и еще раз запряглись, чтобы тащить корабль.

Корабль помчался по волнам с ужасающей быстротой. Он плыл так скоро, что морские рыбы, спасая свою жизнь, должны были сворачивать с дороги, чтобы их не раздавили.

Все животные были очень взволнованы; они перестали наблюдать за Джипом, а смотрели вперед, стараясь разглядеть землю или острова, где мог находиться умирающий от голода человек.

Проходили часы за часами. Корабль все бежал по гладкому ровному морю. Нигде не было видно никакой земли.

Животные уже не разговаривали, а сидели кругом молча, грустные и огорченные. Мальчик опять затосковал. Джип тоже приуныл.

Только под вечер, когда солнце уже садилось, они все вздрогнули от пронзительного крика совы Ту-Ту, которая сидела на верхушке мачты.

— Джип! Джип! Я вижу большую, большую скалу, — кричала она. — Гляди! там, где сходится небо с водой! Посмотри, как солнце золотит ее! Это оттуда идет запах?

Джип тотчас же ответил:

— Да, оттуда. Он — там. Наконец-то! Наконец-то!

Когда они подплыли поближе, то увидели, что скала очень велика, — как большое поле. И на ней ни деревьев, ни травы. Большая скала была гладкая и голая, как лысая голова.

Доктор направил корабль вокруг скалы. Но нигде не было видно ни одного человека. Животные щурили глаза и всматривались вдаль. А Джон Дулитль принес даже снизу подзорную трубу. Но ни одного живого существа не могли они выследить — ни чайки, ни морской звезды, ни даже кусочка водоросли.

Все стояли тихо и прислушивались, стараясь уловить малейший звук. Но единственно что они слышали, это — как маленькие волны мягко плескались об их корабль.

Тогда они стали звать: Эй-эй! Сюда, эй! — до тех пор, пока не охрипли. Но только эхо отзывалось со скалы.

Мальчик залился слезами и сказал:

— Я боюсь, что больше уж никогда не увижу дядю. Что же я скажу, когда вернусь домой?

А Джип обратился к Доктору:

— Он там! Он там! Запах дальше не идет. Он должен быть здесь, говорю вам. Причальте к скале, я вскарабкаюсь на нее.

Доктор подвел корабль совсем близко к скале, бросил якорь и вместе с Джипом сошел с корабля на скалу.

Джип сразу стал обнюхивать землю и бегать по всей скале. Он бегал взад и вперед, вправо и влево, прямо и наизюсь, поворачивал и делал петли. И куда бы он ни шел, Доктор бежал за ним по пятам, пока не выбился из сил.

Наконец, Джип громко залаял и сел. Когда Доктор подбежал к нему, то увидал, что Джип пристально смотрит в большую глубокую дыру в середине скалы.

— Дядя мальчика там, — спокойно сказал Джип. — Ничего нет удивительного, что эти глухие орлы не могли его видеть. Только собака может найти человека!

Доктор влез в дыру, которая вела в какой-то погреб или подземелье. Он зажег спичку и пошел по темному проходу, а Джип за ним вслед.

Спичка скоро погасла, и Доктору пришлось зажигать одну спичку за другой.

Но вот проход кончился. Доктор очутился в какой-то маленькой каморке с каменными стенами.

В ней посредине, заложив руки под голову, лежал рыжий человек и крепко спал.

Джип подошел и понюхал какой-то предмет, лежавший подле него. Доктор нагнулся и поднял этот предмет. Это оказалась огромная табакерка, наполненная темным нюхательным табаком!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ГОРОДОК РЫБАКА

Осторожно, очень осторожно Доктор разбудил рыбака.

Как раз в эту минуту спичка опять погасла. Рыбак подумал, что это Бен-Али вернулся назад, и стал впотьмах тузить Доктора.

Но когда Джон Дулитль назвал себя и сказал, что его племянник на корабле цел и невредим, то рыбак страшно обрадовался и выразил сожаление, что побил Доктора. Он ударил его не очень-то сильно, потому что в темноте не было видно, как драться. Потом он предложил Доктору щепотку табаку.

Он рассказал, как Берберийский Дракон привез его на эту скалу и оставил здесь, когда он не согласился сделаться пиратом; как он устроился на ночлег в этой дыре, потому что на скале не было жилья, где бы согреться.

Под конец он сказал:

— Вот уж четыре дня я ничего не ел и непил. У меня не было ничего, кроме табаку.

— Ну что! — воскликнул Джиш. — Что я вам говорил!

Они сожгли еще несколько спичек, пока не вышли на свет. Доктор торопился перевести рыбака на корабль, чтобы его накормить.

Когда Доктор и Джип возвратились на корабль в сопровождении рыжего мужчины, то животные и мальчик стали кричать ура и прыгать по палубе. А ласточки—тысячи и миллионы ласточек—начали звонко щебетать, желая показать свою радость, что дядя нашелся. Шум был такой, что рыбаки далеко в море думали, не поднимается ли шторм.

— Слушайте, какой ветер завывает на Востоке!— говорили они.

А Джип был страшно доволен собою, хотя и старался не кичиться. Когда Дэб-Дэб подошла к нему и сказала:—Джип, я не думала, что ты такой умный!— он только поднял голову и сказал:

— О, в этом нет ничего особенного! Знаете, только собака может отыскать человека. Птицы не годятся для этого.

Доктор спросил у рыжего рыбака, где он живет. Когда он сказал, где, то Доктор велел ласточкам раньше всего отвезти туда корабль.

Приплыв к местечку, которое назвал рыбак, они увидели у подножия горы маленький рыбацкий поселок. Рыбак показал дом, в котором он жил.

Пока они бросали якорь, мать мальчика (сестра рыбака) прибежала к берегу их встретить и смеялась и плакала в одно и то же время. Она просидела на пригорке три недели и все глаза проглядела, ожидая их возвращения.

Несколько раз она принималась целовать Доктора, так что он улыбался и краснел, как маленькая школьница. Пыталась она поцеловать и Джипа, но он убежал от нее и спрятался в трюме корабля.

— Глупое дело эти поцелуи,—сказал он.—Я этого не терплю. Пусть целуется с Гёб-Гёбом, если ей непременно надо целоваться.

Рыбак и его сестра не хотели сейчас же отпустить Доктора. Они просили, чтобы он провел с ними несколько дней. Джон Дулитль и его животные остались в их домике на субботу, воскресенье и часть понедельника.

Все мальчишки рыбацкой деревушки приходили к берегу, показывали пальцами на большой корабль, стоявший на якоре, и шопотом говорили друг другу:

— Гляди! Это был разбойничий корабль—корабль Бен-Али—самого страшного из пиратов. Этот старичок

в цилиндре, что остановился у миссис Тревелиан, отнял корабль у Берберийского Дракона, а его самого сделал крестьянином. Кто бы это мог подумать—он на вид такой добряк!.. А какие большие красные паруса! У, какой страшный корабль—и какой быстрый!

В продолжение двух с половиной дней, пока Доктор оставался в маленьком рыбацком поселке, все жители приглашали его на чай, завтраки, обеды и вечеринки; все женщины присылали ему цветы и конфеты, а сельский оркестр каждый вечер играл у него под окнами. В конце концов, Доктор сказал:

— Люди добрые, я должен ехать домой. Вы были ко мне очень любезны. Я никогда этого не забуду. Но я должен отправиться домой, потому что у меня там дела.

Перед самым отъездом Доктора пришел Старшина с толпой народу. Все были одеты по-праздничному. Старшина остановился перед домом, где жил Доктор, и все население стало ждать, что будет.

Шесть мальчиков—музыкантов заиграли на блестящих трубах, чтобы все замолчали. Доктор вышел на крыльцо, и Старшина произнес речь:

— Доктор Джон Дулитль,—сказал он,—на мою долю выпала честь преподнести человеку, который освободил моря от Берберийского Дракона, маленький знак памяти от благодарных жителей этого почтенного местечка.

И Старшина достал из кармана маленький пакет, завернутый в папиросную бумагу, и, развернув его, подал Доктору великолепные золотые часы.

Потом Старшина вынул из кармана другой пакет, побольше, и сказал:

— А где же собака?

Все бросились искать Джипа. В конце концов, Дэб-Дэб нашла его на другом конце поселка, на скотном дворе, где собрались все собаки и во все глаза смотрели на него в безмолвном восторге.

Когда Джипа привели, то Старшина развернул большой пакет; в нем оказался собачий ошейник из настоящего золота! Шопот удивления пронесся в толпе, когда Старшина наклонился и собственноручно надел его на шею собаке.

На ошейнике было написано крупными буквами: «Джип—самая умная собака в мире».

Толпа двинулась к берегу, чтобы посмотреть, как они отплывут. Рыжий рыбак, его сестра и племянник без конца благодарили Доктора и его собаку. Наконец, огромный быстроходный корабль с красными парусами повернул по направлению к Грязеводску, и они вышли в открытое море; на берегу все это время играл оркестр.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

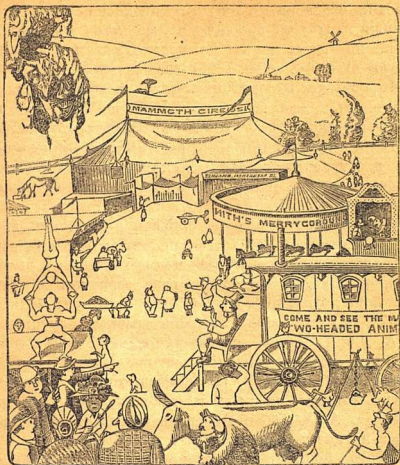
СНОВА ДОМА

Мартовские ветры уже перестали дуть; прошли апрельские дожди; майские бутоны превратились в цветы; июньское солнце засверкало на прекрасных полях, когда Джон Дулитль, в конце концов, вернулся на родину.

Впрочем, он не сразу приехал домой в Грязеводск. Сначала он постраниствовал по всей стране, перевоза в фургоне пушми-пулью с одной ярмарки на другую. Там, разместившись между Акробатами, с одной стороны, и Петрушкой—с другой, они вывешивали на своем фургоне большую вывеску, на которой было написано: «Приходите посмотреть на замечательного зверя о двух головах, привезенного из лесов Африки. Вход—шесть пенсов».

Пушми-пулью должен был сидеть в фургоне, а другие животные размещались вокруг фургона, на земле. Доктор сидел на стуле, впереди них, собирал деньги и с улыбкой встречал людей, которые приходили поглазеть на диковинку. А Даб-Даб все время бранила его за то, что он бесплатно пускал детей, когда она не успевала доглядеть.

Владельцы зверинцев и цирков просили Доктора продать им необыкновенное животное и давали за него

баснословную цену. Но Доктор только качал головой и говорил:

— Нет. Пушми-пулюю никогда не будет сидеть в клетке. Он сможет всегда свободно ходить взад и вперед, как мы с вами.

Много любопытных приключений было в их бродячей жизни; но все они казались очень обыкновен-

ными по сравнению с тем, что они видели и пережили в чужих странах. Сначала их занимало разыгрывать цирк, но через несколько недель они все страшно устали от этого, и им захотелось домой.

И столько народу приходило к фургону, внося свои шесть пенсов, чтобы посмотреть на Пушми-пулю, что очень скоро Доктор мог уже бросить это ремесло.

В один прекрасный день, когда мальвы были в полном цвету, он вернулся в Грязеводск состоятельным человеком и стал снова жить в своем домике с большим садом.

Старая хромая лошадь, жившая в конюшне, очень ему обрадовалась; обрадовались ему и ласточки, которые уже свили свои гнезда под его крышей и вывели птенцов. Дэб-Дэб тоже была рада вернуться в знакомый дом, хотя хорошо знала, что предстоит большая уборка, так как везде завелась грязь и паутина.

А Джип сначала побежал показать свой золотой ошейник соседней чванной овчарке, потом вернулся и стал бегать по саду, как сумасшедший. И то искал кости, которые он когда-то закопал, то гонял крыс из сарая. А Гёб-Гёб в это время вырыл хрен, который вырос на целый аршин в углу, у забора.

Доктор пошел к моряку, который одолжил ему корабль и купил для него два новых корабля, а его ребенку подарил резиновую куклу. Лавочнику он заплатил за продовольствие, взятое в долг для путешествия в Африку. Он завел себе другой рояль и опять посадил в него мышек, потому что, по их словам, в ящике письменного стола была плесень.

Когда снова наступила зима, и снег запорошил окно в кухне, Доктор и все животные после ужина садились у пылающего камина, и он читал им вслух из своих книг.

А далеко, в Африке, обезьяны, сидя на пальмах, освещенных огромной желтой луной, разговаривали перед сном:

— Хотелось бы знать, что поделывает наш Добрый Человек там, в Стране Белых Людей! Как вы думаете, друзья, придет он к нам опять?

Полинезия с виноградной лозы выкрикивал:

— Думаю,—предполагаю,—надеюсь, что придет.

А из черной тины реки раздавался ворчливый голос Крокодила:

— Я не сомневаюсь, что придет. Идите спать!

СОДЕРЖАНИЕ

Глава.	Стр.
1. Грязеводск.	3
2. Звериный язык	7
3. Опять денежные затруднения	
4. Вести из Африки	19
5. Дальнее плавание.	24
6. Полинезия и Король	29
7. Обезьяний Мост.	34
8. Львиный вождь	41
9. Совет Обезьян.	46
10. Самое редкое животное в мире	50
11. Черный Принц	56
12. Медицина и Магия	61
13. Красные паруса и синие крылья	68
14. Крысы предостерегают.	71
15. Берберийский Дракон.	71
16. Ту-Ту подслушивает.	86
17. Морские сплетники	85
18. Нюх	90
19. Скала	96
20. Городок рыбака.	101
21. Снова дома	106

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Страна, которая дала много интересных книг для детей, как «Приключения Тома Сойера» Твена, «Алиса в чудесной стране» Кэрроля, «Маленькие дикари» и «Рольф в лесах» Сетон Томпсона и др., выдвинула нового выдающегося детского писателя. Около трех лет тому назад вышла в Америке книга Лофтинга «Приключения доктора Дулитля», которая теперь появляется в русском переводе. Она сразу сделалась одной из любимых книг у маленьких читателей во всех странах, куда она проникала. Она представляет для детей какое-то особое обаяние своей манерой просто и серьезно описывать невероятные вещи, словно они действительно происходили. И на фоне забавных приключений врезывается в память фигура добродушного гудави-доктора с его глубокой привязанностью к своим зверушкам, которые отвечают ему тем же и берут на себя заботы о нем и дома, и в большом путешествии. Лофтинг не только пишет книги для детей и сам их иллюстрирует: он прекрасный рассказчик, и его всюду приглашают выступать на собраниях детей. Так, недавно во время «недели детской книги» в Америке, он выступал каждый день в другом городе, рассказывал детям новые повести, импровизировал новые приключения и тут же на доске рисовал к ним иллюстрации.

Собрания были очень многолюдные: на одном, самом большом из них, присутствовало около семисот детей.

В 1923 году Лофтинг получил премию — медаль имени Ньюбери, которая ежегодно присуждается в Америке за лучшую детскую книгу, вышедшую в этом году. Медаль была ему присуждена за вторую его книгу «Путешествия доктора Дулитля», которая составляет продолжение первой. В ней выведены как старые знакомцы, так и новые действующие лица. Эта книга также выйдет в русском переводе в издании Госиздата.

Август 1924 г.

June 1909

100²

